

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

БЕЛАЯ ВОЛЧИЦА

Владимир Колычев

Белая волчица

«ЭКСМО»

2015

Колычев В. Г.

Белая волчица / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2015

Бизнесмен Антон Охоткин погибает от удара током в квартире своей содержанки Евгении Юдаевой. Инцидент квалифицируют как несчастный случай, однако оперативник Григорий Кустарев считает, что бизнесмена убили. Он начинает неофициальное расследование, но достигнуть каких-либо ощутимых результатов не успевает. Дело в том, что вокруг Евгении Юдаевой вдруг начинается настоящий карнавал смерти: сначала погибает ее новый любовник, потом – друг, следом – давний знакомый... Кустарев прекращает расследование смерти Охоткина и пытается остановить кровавую бойню. Но сам попадает в западню...

© Колычев В. Г., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Колычев

Белая волчица

© Колычев В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Часть первая

Глава 1

Светлые облака выстроились по небу в линию, по которой, как по дороге, промчался гигантский автомобиль. Или же там пронеслась колесница богов на резиновых колесах, оставив след протекторов на призрачном мосту. Может, это пролетел по небу солнечный шар, который сейчас катился по настоящему мосту, переброшенному через шоссеиную дорогу?..

Он ехал на машине, Валя держала его под руку, головой касаясь плеча. Она влюбленно жалась к нему. Антон чувствовал тепло ее тела. Он ее любил, и она была от него без ума. Машина мчалась по дороге жизни, к будущему, где были он и она. Впереди у них целая вечность. Герман забыт, остался в прошлом. Валя никогда не любила его, ей нужен был только Антон. Герман получил отставку, пусть он катится колбаской...

Солнечный шар вдруг остановился на мосту. Это произошло как раз в тот момент, когда они проезжали под ним. Солнце своей тяжестью обвалило мост и обрушилось на машину!..

Антон открыл глаза, и из его груди вырвался вздох облегчения. Нет никакого солнца, оно исчезло вместе с ночным кошмаром. Да и Вали тоже нет, дома она осталась. А в постели молодая любовница.

Женя лежала на боку спиной к нему. И сама она симпатичная, и тело у нее роскошное. Молодое, стройное, упругое. Только нет почему-то желания прижаться к ней, нежно обнять.

Валя уже не молодая, ей далеко за сорок. Антон еще старше, на целых четыре года, пятьдесят лет ему. Стариком он себя не чувствует, но понимает, что жизнь потихонечку заканчивается. Тикают часики, уходит время.

Антон хватается за него, но бесполезно. Одну любовницу завел, другую. И что, вернул этим себе молодость? Напротив, болячки вдруг полезли. Поджелудочная ноет, печень пошаливает, а еще в легких болезненная тяжесть. Совесть его мучает. Может, поэтому организм и разбалансировался? Грехи камнем давят на грудь, отсюда и кошмары.

Он поднялся с кровати, а Женя даже не шелохнулась. У Вали сон чуткий, а эта красотка дрыхнет как убитая, хоть из пушек пали.

Женя не услышала, как Антон вышел из комнаты. Это была его квартира, он снял ее для любовницы за приличные деньги. Сейчас Антон мог себе позволить столь широкий жест, а ведь в прежние времена иной раз есть было нечего. А они сына тогда растили, дочь.

Еще Антон помнил, как в молодости они ехали с Валею на отцовской машине. Облака тогда на небе вытянулись в линию и деформировались в протекторный след. Солнце как будто катилось по дорожному мосту. Они ехали в новую жизнь, в ту, где не было Германа, который не давал Вале проходу.

Антон прошел на кухню, включил подсветку гарнитура, совсем слабую. Как раз такая и нужна. Сигареты в пачке, зажигалка рядом. С куревом надо завязывать. И с любовницами тоже. Хватит, наигрался, пора честь знать.

С Женей он расстанется просто. Она баба прожженная, все поймет. Он ее не любит, поэтому страдать не будет. Это от первой любовницы его отодрали с мясом. Валя тогда вмешалась, он запаниковал, натворил глупостей.

Та милая нежная девочка обожала его, хотела быть с ним всегда. Любовницей, женой, неважно, лишь бы рядом. А он ее обидел, поступил очень жестоко. Потому и металась душа, не знала покоя.

Но время лечит. Прежних страданий уже нет. Он может простить Валию и вернуться к ней, пока она не махнула на него рукой и не ушла к Герману.

Смешно оно или нет, но эта сволочь по-прежнему без ума от Вали. Герман развелся с женой и уже свободен. А ведь мужик он ни разу не бедный, мягко говоря.

Антон подошел к окну, глянул вниз. Машина во дворе, напротив подъезда. Он мог уехать прямо сейчас. Холодно, мороз, но мотор все равно заведется с полоборота. Машина у него хорошая.

Все, решено, сейчас Антон выкурит сигарету, оденется, спустится вниз и отправится домой. К жене. Хватит, больше никаких любовниц. Он ведь уже в годах, и нечего молодиться. Стареть будет вместе с женой, в спокойной семейной обстановке. Да и здоровье поправить надо – в больницу сходить, бросить курить, заняться спортом, включить в рацион вечерний кефир.

Мысль о расставании с Женей новой нисколько не была. Просто сначала он хотел разобраться со своим компаньоном, а потом уйти от любовницы.

Да, у него появились серьезные проблемы со старым другом. Ваня прибрал к рукам власть в их совместной компании, всем там заправлял, оставляя Антону вторые роли. Он создал невыносимую для нормальной работы обстановку, и с этим обязательно нужно было что-то делать.

Антон хотел поделить общий бизнес, забрать свою долю и с этого капитала открыть новое дело. Опыт у него большой, он бы справился. Но надобность в резких движениях отпала. На днях между ним и Ваней состоялся важный разговор. Они обсудили свои проблемы, нашли камень преткновения и отбросили его с дороги. Теперь все будет хорошо и в бизнесе, и в семейных отношениях.

Слух уловил движение за спиной. Женя, похоже, проснулась. Что ж, это знак. Все, закончились их отношения. Надо сказать ей об этом прямо и не откладывая. Да, сейчас.

Он повернулся и увидел ее. Она смотрела на него полными обиды глазами. Евгения уже знала, что между ними все кончено.

«Мальчик засунул два пальца в розетку.

Все, что осталось, собрали в газетку».

Ужасный стишок, но старший лейтенант Кустарев не мог ничего с собой поделывать. Эти циничные строчки сами лезли ему в голову.

Чайку мужчина попить решил. Нет, чтобы сначала воду вскипятить, так он руки решил помыть. Открыл кран, взял мыло, сунул ладони под струю, только тогда и вспомнил про свое желание.

Электрический чайник вроде новый, а вилка старая, разборная. Более того, в ней отсутствовала вторая половинка корпуса. Провод был подсоединен к латунным штырям, зафиксирован прижимной планкой, и все. Такую вилку в розетку нужно было вставлять очень аккуратно. Точнее сказать, пользоваться такой штукой вообще категорически запрещено.

А мужик взялся за нее мокрой рукой, да еще прямо за оголенный провод. Вторую ладонь он держал под краном, на нее лилась вода. Вот электрический ток через мужика и заземлился. Через несколько дней заземлят и самого покойника. Тело не испепелилось и даже не обуглилось, но сердце остановилось. Все, нет больше человека.

Надо же было ему руку под водой держать! Если бы не это, он отделался бы легким испугом. Двести двадцать вольт далеко не всегда убивают.

Старший лейтенант Кустарев знал это по личному опыту. Он тоже взялся однажды за оголенный провод. Но с ним-то ничего, кроме испуга, не случилось. А вот здесь совсем другое дело!..

Ситуация – нарочно не придумаешь. Но в то же время ничего удивительного. Электрический ток – штука опасная, только в России за год от него погибает тридцать тысяч человек, примерно столько же, сколько в автокатастрофах.

Можно отставить в сторону личный опыт и вспомнить недавний случай в Бочарове. Мужик загрузил белье в древнюю стиральную машину, включил ее. Барабан стал заедать, он сунул руку в воду, чтобы прокрутить его, а вилку из розетки не вынул. Но того придурка хоть откачали, а этого уже и оскорблять неприлично. О покойнике плохо говорить нельзя.

– Чайку? – осведомился лейтенант Чинков и усмехнулся.

Этот худосочный хлыщ представлял тут Следственный комитет. Совсем еще зеленый мальчонка, только-только допущенный к самостоятельной работе. Возможно, это его первый выезд на труп. Нервничает он, волнуется, но виду старается не показывать. Шутит, острит, только не очень хорошо это у него получается.

– Спасибо, не надо.

Кустарев покачал головой. И зачем только группу сюда отправляли? Ведь сразу ясно, что тут самый натуральный несчастный случай.

– Странно все это, – глядя на покойника, сказал криминалист Бабакин. – Квартира вроде ничего, с евроремонтом. И чайник не старый, а вилка – это же самое настоящее недоразумение.

– С летальным исходом! – подсказал Чинков.

– Вот-вот.

– Чайник новый. – Кустарев и сам обратил на это внимание. – Видно, штатная вилка замкнула, вот кто-то и установил эту беду.

– Как будто нарочно так сделали.

– И руку под кран мужик тоже нарочно сунул?

– Ну, это вряд ли. Кстати, а почему УЗО не сработал?.. Он ведь должен был отключить линию.

– Может, не работает? – предположил Кустарев.

– Да, надо бы проверить.

– Тут электрик нужен, – деловито сказал Чинков.

Бабакин только махнул на него рукой. Настоящий криминалист должен быть универсалом. Илья Сергеевич именно такой – и жнец, и швец, и на дуде игрец. Отвертка с индикатором напряжения у него имелась.

А у оперуполномоченного главное оружие – язык. Кустарев уже разговаривал с хозяйкой квартиры, в которой находился покойник. Девушка не изображала из себя жертву целомудрия, призналась, что состояла с гражданином Охоткиным в любовной связи. Антон Сергеевич снимал Юдаевой квартиру, время от времени навещал ее, иногда оставался ночевать.

Девушка проснулась утром, зашла на кухню, а там труп. Такие вот дела. Теперь Юдаева сидела в гостиной, приложив пальцы к вискам.

Кустарев поглядел на нее и опустился на диван. Вроде бы переживает девушка, но вдруг она всего лишь изображает горе?.. Впрочем, с чего ей радоваться? Может, у нее планы были на этого папика, а нелепый случай все разрушил?..

Вряд ли у нее имелись причины убивать своего сожителя. Наследство он ей точно не оставил, а уйти от него она могла без проблем. Мужик вроде не бедный, но вряд ли настолько крутой, чтобы его бояться. Хотя тут сам черт ногу сломит. Все может быть.

– Евгения Алексеевна, у меня еще пара вопросов к вам, – начал Кустарев.

– Да ладно тебе насчет Евгении Александровны. Просто Женя, – не поднимая головы, сказала она.

– Все равно вопросы остаются, – заявил Кустарев и улыбнулся. – Скажите, кто вам устанавливал вилку на чайник?

– Вилку на чайник?.. Ну да, устанавливал...

– Кто?

– Ну, Ромы работа.

– Кто такой Рома?

– Ну, парень мой.

– Парень?

– А что здесь такого? – Женя подняла голову и с кривой усмешкой глянула на Гришу. – Я девушка молодая, мне со старым скучно. Да и приезжал Антон всего-то раз в две недели. Тебе же правда нужна, старлей, да? Вот и я говорю...

Кустарев с интересом смотрел на Юдаеву. Вроде бы симпатичная она девушка – смазливое лицо, хорошая фигура. Но была в ней какая-то червоточинка. Черты лица грубоватые, подернутые паутиной порока. Взгляд, может, и не бесстыжий, но близкий к тому. В общем, если и была в ней изюминка, то в пыли с больших дорог, со вкусом горького перца.

Возможно, Рома был каким-нибудь байкером, с которым она развлекалась в свободное время. С одним по любви, с другим за деньги.

Барышня не пыталась скрыть порочность своей натуры, но и напоказ ее не выставляла. Гриша спросил, она ответила – честно, как на духу. Да и соблазнять его Женя не пыталась, даже не думала строить ему глазки. Не до этого ей сейчас. Может, и не любила она Охоткина, но скорбь ее не показная. Во всяком случае, похоже на то.

– Чайник давно сломался?

– Нет, не очень. Примерно с неделю назад. Я включила его в розетку, а он не работает. Рома у меня как раз был. Он взялся починить.

– А вилка на чайнике наверняка литая была, – вслух подумал Гриша.

– Что значит литая? – спросила девушка и непонимающе посмотрела на него.

– Ну, сплошь из пластика, неразборная. Такие, как правило, не ломаются.

– Не знаю, я не разбираюсь. Как Рома сказал, так я и говорю.

– А чайник он разобрал?

– Да нет вроде...

– Рома сразу определил, что там именно с вилкой проблема?

– Да, он в этих штуках разбирается.

– Кем он работает?

– Парень простой, в автосервисе трудится, с электроникой там всякой.

Кустарев озадаченно ущипнул себя за кончик носа. Странная ситуация – причину поломки Рома в два счета определил, а с вилкой напортачил.

– На «ты» с электроникой?

– Ну, не знаю.

– Почему он установил только половинку вилки? Где вторая часть?

– Так другая половинка сломалась.

– Можно было сломанную поставить, изолянтной обмотать, и все дела.

– Он на эту половинку ногой наступил так, что она на мелкие части рассыпалась. А изолянты у него не было. Сказал, что занесет. Мол, ты чайником пока не пользуйся...

– Он так говорил?

– Говорил.

– А вы пользовались?

– Да, осторожно очень. Там если аккуратненько братья, то нормально все выходит.

– А Охоткин взялся!

Юдаева пронзительно вздохнула, рассеянно рассматривая ногти.

– Рома сейчас где?

– Дома, – ответила она и пожала плечами. – У себя.

– Здесь его ночью не было? – спросил Кустарев.

– Прошлой ночью был. А вчера Антон позвонил, сказал, что подъедет.

– А как Рома к Антону относился?

– Я, конечно, не скажу, что он был в восторге...

– Хотел, чтобы ты его бросила?

– Ну, не то чтобы хотел. Но если бы я его бросила, то он не возражал бы.

– И почему не бросила?

– А деньги?.. Антон мне квартиру снимал, одевал, на карман отстегивал. Все вместе тысяч пятьдесят в месяц выходило. Машину обещал заменить, а то стремно на моей рухляди. Теперь все, уехала машина, – со вздохом проговорила Женя.

Она ничуть не боялась показаться меркантильной, циничной и даже продажной.

– А квартира?

– И с квартиры съехать придется, – подтвердила она. – За первый квартал только уплачено, а там!.. Антона очень жалко. Он хоть и старый был, но прикольный. И борозды нисколько не портил.

– Значит, Рома этой ночью у тебя не гостил?

– Нет, не гостил. А что Рома? Что он мог сделать? – удивленно спросила девушка.

– Ну, мало ли. – Кустарев пожал плечами.

Не похоже было, что в этой квартире произошло убийство. Скорее всего, несчастный случай. Но для очистки совести неплохо было бы найти и допросить Рому.

Снег за окном валил сплошной стеной. Весны за ним видно не было. Но она все равно рядом, очень скоро наступит, откроет новую страницу в жизни майора Одинцова. Он останется в прежнем звании, но будет уже майором полиции, а не милиции.

Такая вот петрушка под первое марта стоимостью как минимум два миллиарда рублей. Таблички новые на здания нужно изготовить, печати, удостоверения, нагрудные знаки, наклейки для машин. Даже имущественные права на ведомственные здания и помещения придется переоформить.

Кое-кто даже озвучивает сумму в десять миллиардов. Но правительство тем не менее на это идет. Очень скоро, с первого марта начнется.

Максим не хотел становиться полицейским, но его не спрашивали. Обидно, но девять-то некуда, работать все равно надо. Милиция преступников не очень пугает, и полицию они особо бояться не будут. Кражи, грабежи, убийства – все это как было, так и останется. Динамику преступности переименованиями конторы не изменишь.

В дверь постучали.

– Да!

Старший лейтенант Кустарев был одним из немногих, кто стучался, а потом стоял за дверью в ожидании разрешения. Обычно ее открывали сразу, без особых церемоний.

– Разрешите?

Молодой опер, но уже заслуженный. На его счету есть раскрытия серьезных дел, задержание даже группы преступников. Высокий парень, статный, широкоплечий, в отличной физической форме. Еще не матерый, но уже не щенок.

Щеки у Гриши красные, на волосах поблескивает талая вода. Со свежего воздуха пришел, сразу видно.

– Максим Львович, я тут посоветоваться.

Одинцов кивком показал на кресло за приставным столом.

– Вы уже в курсе, что на Волоколамской труп обнаружили?

– Да, несчастный случай.

– А если нет?

Максим покачал головой. Только нераскрытых мокрых дел ему не хватало. А если все-таки убийство? Вдруг Кустарев смог вычислить преступника?

– Выкладывай!

– Ну, во-первых, вилка там на чайнике более чем странная. Провод как будто нарочно оголен. Во-вторых, устройство защитного отключения неисправно, поэтому не сработало. А в-третьих, я говорил с парнем, с которым Юдаева встречалась в обход Охоткина...

– Юдаева?

– Да, любовница Охоткина.

– Она с кем-то встречалась?

– Рома его зовут, фамилия Аникеев. Он действительно разбирается в автомобильной электронике.

– А он должен в этом соображать?

– Юдаева говорила, что да. Я это выяснил. Не мог он оставлять вилку в таком виде, но сделал это. Как будто нарочно.

– А Охоткин как будто нарочно схватился за оголенный провод?

– А если ему помогли?

– Ты говоришь об убийстве?

– А вдруг?..

– Если бы Охоткин руку под струей не держал, то ничего бы не было. Шарахнуло бы его слегка и отпустило. Для летального исхода два фактора нужны – оголенный провод и максимальная разность потенциалов. Вода этот максимум и дала. Если это убийство, то кто-то должен был держать одну его руку под краном, а другой сунуть вилку в розетку. Во-первых, эксперт не обнаружил следов насилия. Во-вторых, я бы не стал держать человека, подключенного к высокому напряжению. Никто не рискнул бы!..

– Это да.

– Ты бы осмелился?

– Нет.

– И Аникеев твой не дурак, особенно если он с электроникой работает.

– На дурака он не похож, – в раздумье проговорил Кустарев.

– Тебя что-то напрягло? – Максим будто прочитал его мысли.

– Да есть момент. Какой-то он чересчур спокойный. На встречу по первому требованию подъехал из Москвы.

– Сам-то он оттуда?

– Да. Работает там. И с Юдаевой в Москве познакомился, в торговом центре, незадолго до несчастного случая. Да, почти сразу после этого сломалась вилка на чайнике. В машине у него нашлась разборная, на половинку которой он наступил.

– И что?

– Да как-то странно все это. Охоткин с Юдаевой больше года встречались, и ничего, никаких бед. Но стоило появиться Аникееву, и все кувырком. Как будто он нарочно с вилкой напортачил.

– Чтобы Охоткина убить? – спросил Одинцов и усмехнулся.

– А вдруг?

– Так, может, он Юдаеву хотел убить?

– Зачем ему это?

– А зачем ему Охоткин?

– Я с женой новопреставленного разговаривал. Женщина, конечно, в шоке, но мы нормально побеседовали. В общем, у Охоткина проблемы с компаньоном возникли. Некто Иван Александрович Милохин фактически прибрал к рукам их общий бизнес. Мужик он мутный, да и ситуация сложилась конфликтная. Может, Милохин и разругал ее таким вот способом?

– Не убедил, – сказал Одинцов и покачал головой. – Слишком сложно все для преднамеренного убийства. Чересчур много накручено. Да и следов насилия не обнаружено. Гораздо проще устроить автокатастрофу или самоубийство. На каком этаже Юдаева живет?

– На девятом.

– Легче из окна его выкинуть, чем с электричеством выдумывать.

– А вдруг заказуха?

– Возьмешь на себя это дело? – осведомился Максим и пристально посмотрел на подчиненного.

Кустарев уныло покачал головой. Одно дело – версии строить, и совсем другое – взваливать на себя их тяжесть. Уголовное дело возбудить, факты собрать, основания. Затем нужно будет взять на себя работу по раскрытию преступления, ответственность за результаты. А дело тухлое, стопроцентный висяк, однозначный минус в графе раскрываемости. А оно Кустареву нужно?

Да Одинцов и не позволил бы ему заняться этим делом. Ведь вся основная ответственность ляжет на самого майора. А ему этот геморрой точно не нужен. Вот если следственный отдел района сам найдет основание для возбуждения дела, поставит задачу – тогда да, надо будет браться. Но там тоже дураков нет. Так что пусть Кустарев занимается реальными делами.

Глава 2

Третье марта, по календарю – весна, а в ощущениях все та же зима. Ясное небо, трескучий мороз. Снег на днях выпал, освежил зимний ландшафт – все вокруг бело.

Кровь на белом снегу смотрится особенно ярко, пугающе. Молодой человек упал с высоты в сугроб, но это его не спасло. Под белыми грудями таилось ограждение газона, а опорные столбики там имели заостренные маковки.

Несчастный парень ударился головой об одну из них. Кровь из раны брызнула фонтаном. Бедняга умер не сразу, он даже смог подняться, сделать несколько шагов. Багровый след тянулся за ним до самого того места, где он закончил свой земной путь.

За ночь труп окоченел, задубел на морозе. Непросто будет согнуть и вытянуть вдоль тела руку, отброшенную в сторону. Впрочем, Одинцову телом заниматься не придется. Он должен организовать оперативно-разыскные мероприятия, обеспечить следственные действия.

Работа уже идет. Группа на месте, следователь и эксперт в деле. Ожогин работает со свидетелями. С ограждением и оцеплением тоже все в порядке.

Покойник был в хорошей дорогой дубленке. На размышление наводило само наличие теплой верхней одежды. Собираясь выпрыгнуть из окна, самоубийца не стал бы надевать дубленку.

Преступники и не подумали бы о том, чтобы их жертва не замерзла, прежде чем выкинуть ее из квартиры. А дубленка на все пуговицы застегнута, горло закрывает шарф. Парень, конечно же, сам собирался выйти на улицу, на мороз.

– Крышу осматривали? – задрал голову, спросил Максим.

Дом пятиэтажный, крыша двускатная, наклон слабый, но если там наледь, то упасть с нее проще простого. Ограждения по периметру низкие, толку от них никакого.

– Думаешь, с крыши свалился? – спросил следователь и понимающе глянул на него.

– Свалился или столкнули добрые люди.

– Ну, столкнули – это вряд ли. – Загорьев в раздумье покачал головой. – Портмоне у покойного нашли, там документы, деньги. Четырнадцать тысяч с копейками.

– Документы, деньги... – Максим кивнул и продолжил: – Да, на тот свет он явно не собирался.

– Похоже на то. Мне тоже кажется, что покойник с крыши сорвался. Но высота приличная, дом пятиэтажный. Потерпевший ударился головой, но умер не сразу. Если бы с самого верха упал, то смерть бы наступила мгновенно.

– Не факт.

– Да, конечно, в жизни всякое бывает, – согласился Загорьев.

– Личность, я так понимаю, установили, да?

– По документам это Аникеев Роман Федорович, семьдесят пятого года рождения. Права в Москве выданы. Паспорта нет, место регистрации неизвестно. Из этого дома или нет, будем выяснять.

– Аникеев, говоришь? – Максим задумался. – Роман Федорович?.. Что-то знакомое.

Майор неторопливо достал из кармана телефон, позвонил Кустареву.

– Что там у тебя по делу Охоткина? – совершенно серьезно спросил он, но Гриша воспринял эти его слова как издевательскую шутку.

– По делу Охоткина? А что, разве есть такое дело? – Голос его прозвучал возмущенно.

– Возможно. Как парня зовут, которого ты подозреваешь?

– Да не подозреваю...

– Как зовут? – отсекая словоблудие, спросил Одинцов.

– Ну, Рома Аникеев.

- Отчество?
- Не помню, гляну сейчас. Ага, вот. Аникеев Роман Федорович.
- Год рождения?
- Да я не узнавал. За двадцать ему. Моего возраста примерно. Что-то случилось, да?
- Труп у нас на Саратовской. Возможно, твой Аникеев. Он у тебя из Москвы?
- Ну, вроде как.
- Давай подъезжай. – Максим сунул мобильник в карман и выразительно глянул на следователя.

Он был готов к ответам на его вопросы. Ему пришлось дать объяснение, растолковать, кто такой Аникеев, в каком деле он засветился, в чем подозревается.

Тем временем старший лейтенант Ожогин обошел жильцов квартир, под окнами которых лежал труп. Аникеева из них никто не знал. Возможно, молодой человек действительно упал с крыши.

Люк, ведущий на чердак, не был заперт. Чтобы его открыть, достаточно было чуть надавить на задвижку, не отягощенную навесным замком.

Но сначала с этим засовом поработал эксперт. Илья Сергеевич попробовал снять с него пальчики, но там было чисто. Поверхность вроде бы располагала к этому, но никаких отпечатков на ней не было. Кто-то мог нарочно стереть их тряпкой или случайно – рукой в перчатке.

Лестница на чердак железная, с перилами, но подняться по ней можно было без помощи рук. Перила эксперт оставил на потом.

Была еще и дверь, ведущая на саму крышу через чердачный мезонин. Там тоже задвижка без замка. На ней опять же никаких следов.

Зато на самой крыше обнаружили свежие отпечатки обуви, как оказалось, принадлежащей покойнику. Судя по этим следам, Аникеев шел по крыше задом, пытался по направлению к своей смерти. Пальчики его эксперт тоже обнаружил. Судя по их расположению, через дверь Аникеев также выходил задом.

Криминалист еще продолжал свою работу, когда появился Кустарев. Он опознал в покойнике того самого парня, который стал причиной гибели гражданина Охоткина. Возможно, не случайной.

Кустарев с озадаченным видом посмотрел на покойника и проговорил:

- И как это понимать?
- Возможно, самоубийство, – ответил Одинцов и пожал плечами.

Бабакин обнаружил пока только следы Аникеева, но Максим не исключал постороннего вмешательства.

– Там несчастный случай, тут самоубийство. – Кустарев покачал головой, не соглашалась с таким суждением. – Что-то здесь нечисто.

– Аникеев был без перчаток и на крыше наследил, – вслух подумал Одинцов. – А на засовах его пальчиков не было. Но их ведь кто-то закрывал, причем так, чтобы не наследить. Давай, Гриша, подключайся.

Нужно было опросить всех обитателей подъезда, особенно тех, которые жили на пятом этаже. Ведь кто-то из них должен был что-то видеть.

Максим озадачил своих оперов, а сам вернулся на крышу. Уж очень интересно ему было выслушать мнение эксперта, сверить его со своими собственными предположениями.

Зима на исходе, а весна еще только в зачаточном состоянии. В это время темнеет рано. Сумерки уже сгустились, когда Гриша собрался уезжать. Одинцов позвонил, велел ему закругляться и возвращаться в управление.

Труп Аникеева давно в морге, эксперты уже несколько часов назад закончили работу. Все разъехались, остался только Кустарев.

Жильцы пятого этажа слышали шум в районе часа ночи. Кто-то открыл чердак, забрался на крышу. Но это было все, что смогла дать работа со свидетелями. Как падал Аникеев, никто не видел, как он поднимался на чердак, тоже. Тем более некому было сказать, один он там был или с кем-то.

А был он, скорее всего, с кем-то. Именно этот «кто-то», уходя, задвинул за собой засов на чердачном люке. Из жильцов дома этого никто не делал. Во всяком случае, все отрицали свою причастность к такому факту.

На перилах лестницы эксперт обнаружил отпечатки пальцев разных людей. Самые свежие из них были оставлены Аникеевым. Возможно, убийца или просто свидетель преступления не прикасался пальцами к перилам. Аникеев же пару раз взялся за них.

На чердак он поднимался в нормальном положении, передом, а на крышу выходил уже задом. Пятился до тех пор, пока не перевалился через ограду. Подошел он к ней тоже задом. Даже вниз не глянул. Возможно, кто-то направил на него пистолет или что-то в этом роде, под угрозой смерти заставил жертву выйти на крышу.

Гриша был на чердаке. Воображение парня смоделировало ситуацию, в которой мог оказаться Аникеев. Преступник действительно мог навести на него пистолет, причем с безопасного для себя расстояния. Размеры чердака позволяли это сделать. Аникеев мог задом дойти до самой кромки крыши, перемахнуть через ограждение. Но почему тогда преступник не оставил явных следов?

Пыли и грязи на чердаке хватало, но и следов ног там тоже было предостаточно. Всю зиму работники коммунальных служб счищали с крыши снег, сбивали сосульки. Такие люди больничными бахилами не пользуются.

Среди прочих криминалист выявил отпечатки обуви Аникеева. Других свежих следов он не обнаружил. Значит, Роман был на крыше один. Или же преступник пришел туда в чистой, возможно, домашней обуви. А сам Аникеев попал на чердак прямо с улицы, в ботинках, с подошв которых слетала мокрая грязь.

Да, вполне возможно, что Роман поднялся на крышу в одиночестве. Жильцы пятого этажа слышали, как открывалась дверь, но голосов на чердаке не было. Тихий разговор не улавливался человеческим ухом, зато громкий можно было услышать. А если преступник угрожал пистолетом, то разговор обязательно должен был идти на повышенных тонах.

Но если Аникеев сам свалился с крыши, то как и почему это произошло? Во-первых, он был трезв. Во-вторых, этот дом являлся для него чужим, никто его здесь не знал.

Если Роман собирался свести счеты с жизнью, то почему выбрал пятиэтажный дом, хотя в Бочарове имелись куда более высокие строения? Та же Юдаева жила в десятиэтажке. Он мог бы выпрыгнуть из ее окна.

Ведь Аникеев бывал у нее после недавней смерти Охоткина. Одинцов лично это выяснил. Он ездил на Волоколамскую улицу и разговаривал с Женей. Она ничего не скрывала. Если ей верить, у Романа и в мыслях не было сводить счеты с жизнью.

В последний раз Аникеев был у Юдаевой позавчера. Он приехал к ней, переночевал и вернулся в Москву. Как Роман объявился на улице Самарской, непонятно.

Одинцов не верил в самоубийство. Да и Загорьеву гибель Аникеева казалась весьма странной. Суицидники обычно смело смотрят в глаза своей смерти, идут к ней с открытым забралом, а этот пятился задом.

Но следов насилия на теле покойника не обнаружилось, предполагаемого убийцу никто не видел и не слышал. Поэтому дело могло быть перекалфицировано в самоубийство или подано под соусом несчастного случая. Головная боль никому не нужна.

Одинцова понять можно, за ним отдел уголовного розыска со всей его отчетностью и показателями, с него спрашивают, ему и огребать. Именно из этих соображений Гриша и смалодушничал, хотя и должен был дать ход делу по факту гибели Охоткина.

Трудно понять, каким образом кто-то заставил беднягу сунуть руку под проточную воду и одновременно взяться за оголенный электрический провод. В голове не укладывалось, как такое возможно без насилия, тем не менее Аникеев мог быть виновником его гибели. А теперь вот убили и самого Романа, возможно, потому, что он слишком много знал.

Во втором случае преступники сработали так же чисто, как и в первом, но на этот раз Кустарев готов был стоять до конца. Он пока не смог выявить свидетеля, который видел возможного убийцу Аникеева, но у него еще имелись время и возможности.

Гриша решил, что он еще вернется в этот дом и поговорит с жильцами квартир, расположенных на пятом этаже. Он обойдет и другие в поисках людей, которые днем находились на работе.

А в двадцать второй квартире на пятом этаже вообще никого не было. Соседи говорили, что там жила девушка. Где она сейчас, непонятно, но ведь домой-то обязательно вернется. Возможно, она и слышала, и видела.

Кустарев открывал дверцу своей машины, когда увидел девушку в сером синтепоновом пальто. Среднего роста, худенькая. С такой комплекцией она могла не идти, а лететь над землей, но ее походка казалась тяжелой. Да, пусть так, но нисколько не грубой и уж тем более не сиволапой.

Просто у девушки не было настроения, а бедрами вилять она не привыкла. Да и одежда на ней не та, чтобы демонстрировать изящную походку. Пальто у нее серое как по цвету, так и по восприятию, сапоги такие же дешевые, к тому же на низком каблуке.

Но Грише казалось, что эта девушка, внешне совершенно серая, светилась изнутри. При взгляде на нее в голове у него мелькнули мысли о луче света в темном царстве, глотке свежего воздуха в угарном дыму, теплом ветерке в ледяной пустыне.

Сумерки сгустились, а уличные фонари еще не разгорелись. Видимость была неважной, к тому же голову девушки покрывал капюшон, но Гриша сумел рассмотреть ее. Русые волосы зачесаны назад, лицо прямоугольной формы, скулы высокие и широкие, глаза обыкновенные, нос с закругленным кончиком, небольшой рот, относительно тонкие губы. Роста чуть выше среднего, слегка сутулится.

Казалось бы, ничего особенного в ее внешности Гриша не заметил, но сердце почему-то ухнуло в груди. Он едва глянул на нее, а она уже произвела на него впечатление.

Может, все дело в глазах? Но вроде бы ничего необычного в них нет. Они не большие, хотя и не маленькие. Брови тоже самые обыкновенные.

И все-таки дело, пожалуй, в глазах. Девушка едва глянула на Гришу, но этого хватило, чтобы он вспыхнул изнутри. Взгляд у нее мягкий, вроде спокойный, но почему-то зажигательный.

А еще на него произвело впечатление тонкое дешевое пальто. Холодное оно для такой погоды. Кустареву вдруг захотелось набросить на нее свою теплую кожаную куртку с норковым воротником. А еще лучше, прижать ее к себе...

Девушка прошла мимо, и только тогда он осознал, что стоит столбом, в оцепенении глядя на нее. Еще Гриша понял, что эта особа сворачивает к подъезду. Возможно, она жила на пятом этаже в квартире номер двадцать два.

Она зашла в подъезд, и только тогда Кустарев опомнился. Он напрочь забыл о совещании и рванул за ней. Действительно, вдруг это и есть та самая девушка? Может, она собирается зайти домой всего на часок? Он вернется сюда, а ее уже не будет. Вдруг она исчезнет навсегда? Возможно, с ценной информацией.

Он шел за ней, размышляя на ходу, не решаясь форсировать события. Гриша уже научился знакомиться с девушками легко и непринужденно. По этой части ему хватало знаний и опыта, а тут вдруг слабина под языком образовалась, ноги затяжелели, в коленках заглохло. Он всерьез рисковал упустить незнакомку.

Кустарев взял себя в руки, прибавил ходу и настиг девушку на пятом этаже. Она открывала дверь в двадцать вторую квартиру.

– Здравствуйте! Разрешите познакомиться! – бойко выпалил он.

Девушка посмотрела на него как на человека, которой сморозил вселенскую чушь, но спокойно, без осуждения и насмешки.

Гриша понял ее правильно и пробубнил:

– Старший лейтенант милиции... полиции Кустарев, уголовный розыск! – Он достал служебное удостоверение не столько для того, чтобы подтвердить свои слова, ему нужно было чем-то занять свои руки.

– Сейчас так знакомятся? – удивленно спросила она.

Голос у нее был мягкий, убаюкивающий. Но Грише понравился бы и грубый баритон, обладай она им. Он вдруг понял, что его не смутили бы даже усы под ее носом. К счастью, ничего такого там не было.

– А это смотря по ситуации. Сегодня ночью с крыши вашего дома упал молодой человек.

– С крыши дома? Это же высоко!.. – Лена потрясенно посмотрела на него. – Он жив?

Гриша уже знал, как зовут эту девушку, соседи просветили. Она в этой квартире жила, значит, Лена.

– Наряд милиции... полиции прибыл в районе восьми утра. Вы должны были заметить его.

– Нет, я ушла в семь.

Кустарев кивнул. Труп Аникеева лежал с одной стороны от подъезда, а девушка возвращалась домой с другой. Если она и уходила в ту же сторону, то тело видеть не могла, тем более что труп лежал в нише, между линией накинанных сугробов и домом. В семь утра тело еще не обнаружили, тревогу не подняли, поэтому и суеты вокруг него не было.

– А вы меня в чем-то подозреваете? – спросила девушка и удивленно посмотрела на него.

– А почему я должен вас подозревать?

– Ну, вы так на меня смотрите. Да и лестница на чердак одна. – Она взглядом показала на нее.

– Откуда вы знаете, сколько лестниц? Вы были на чердаке?

– Да, была. А что здесь такого?

– Когда вы там были?

– Ну, как-то случилось. Люк был открыт, я поднялась. Жарко там, душно, пыльно.

– Жарко?

– Это летом было.

– Ну, если летом...

– У вас есть ко мне вопросы?

– Да, конечно.

Девушка неторопливо распахнула дверь, вялым движением руки пригласила Гришу зайти в дом. Она пропускала его вперед, в темноту, и Кустарев принял ее приглашение.

Он переступил порог и оказался во мраке прихожей. Тут у него вдруг и мелькнула мысль о том, что сейчас его закроют. В голове как будто что-то звонко щелкнуло.

Но девушка не стала его закрывать. Она зашла в прихожую вслед за ним, включила свет.

Квартира небольшая, однокомнатная. Свежие обои на стенах, мебель в прихожей не новая, но близко к тому, но все равно здесь пахло старьем. И еще почему-то лекарствами.

Гриша знал, что здесь нет никаких больных родственников. Соседи его просветили, сообщили, что Лена жила одна. Уже два года. Купила квартиру, сделала ремонт.

Откуда она, кто такая, никто не мог сказать. Лена раньше здесь не видели, ее родителей не знали. Сама она жила тихо, без мужчин. Приветливая, вежливая, но замкнутая, погруженная в себя.

Глава 3

Девушка расстегнула пуговицы на пальто, Кустарев не растерялся, помог ей снять верхнюю одежду. Лена осталась в зеленой кофте немодного покроя, в длинной коричневой юбке. Худенькая она, не очень складная, неловкая, можно даже сказать, неуклюжая. Синий чулок, серая мышка. Но, глядя на нее, Гриша легко гнал от себя эти нелестные сравнения. Какая бы она ни была, ему в ней нравилось все.

Лена провела его в маленькую кухню, поставила чайник на плиту. Мебель в комнате не старая, но дешевая. Кухонный гарнитур с виду новый, но из прежней эпохи. Такие стандартные наборы делали еще в советское время.

– Лена, вы где-то работаете? – спросил Гриша.

У него в квартире и кухня просторней, и гарнитур дорогой, техника в полном комплекте, но тут ему нравилось куда больше. Здесь Лена как свет в окошке. У него прежде были девушки, да и теперь он встречался с одной, но это не помешало ему во всей остроте прочувствовать свое одиночество.

Кустарев еще толком не был знаком с этой девушкой, но уже точно все знал. Да, настоящая любовь внезапна так же, как сердечный приступ.

– Работаю. На дому. Вы когда-нибудь занимались сексом по телефону? – с едва заметной усмешкой спросила она.

– Сексом? – опешил Кустарев.

Возможно, он ослышался. Лена никак не могла задать столь пошлый вопрос, не той она породы. И уж тем более она не стала бы развлекать любителей телефонной клубнички.

– В моем случае секс отпадает, а телефон остается, – с улыбкой проговорила она. – Я работаю с потенциальными клиентами, обзваниваю людей, предлагаю им доставку воды на дом.

– Воды?

– Да, предлагаю питьевую воду и кулеры во временное пользование. Хорошая вода, удобная услуга. Звонить приходится много, зато платят хорошо.

– Значит, на дому работаете. – Кустарев стал успокаиваться.

Вода – это совсем не так весело, как секс по телефону, но ему вовсе не хотелось, чтобы Лена кого-то забавляла, предавалась вербальному разврату.

– А сегодня где были?

– В Москву ездила. По личному плану. Я же непривязанная, у меня свободный график.

– Ночью не работали?

– Если вам позвонят ночью и предложат воду, вы что на это скажете?

– Ну да, понятно.

– Ночью я спала.

– Может, слышали что-то? – Гриша кивнул в сторону двери.

– Да, слышала, – ответила девушка. – По лестнице кто-то поднялся, люк открыл. Потом все стихло.

– Когда это было?

– Не знаю. Сон у меня чуткий, я часто среди ночи просыпаюсь. Если на часы посмотрю, потом долго заснуть не могу. Такая вот незадача. – Лена виновато улыбнулась.

Она разлила кипяток по чашкам, бросила в каждую по пакетiku чая – непонятно какого, черного или зеленого. Кустареву было все равно, но в принципе она могла бы и спросить, хотя бы из вежливости. А может, у нее и выбора-то нет?..

– Значит, вы слышали, как Рома поднимался? – пощипывая подбородок, проговорил он.

– Кто такой Рома? – спросила Лена.

То ли она почуяла подвох, то ли действительно не знала, кто такой Рома Аникеев. А могла знать. Девушка в высшей степени интересная, к тому же у нее своя квартира, а Рома парень не промах. Не хотел Кустарев, чтобы у нее с кем-то что-то было, но при всех своих симпатиях и даже чувствах к Лене он прежде всего думал о своей работе.

Парень не забывал, что ему давно уже пора ехать в управление, но продолжал разговор. Он не мог поступить иначе. Вроде бы Лена и не знала, кто такой Рома. Гриша хотел ей верить, но все же заметил дефект в показаниях.

– Роман Федорович Аникеев. Именно он сегодня ночью упал с крыши.

– Теперь понятно, почему вы сказали, что он поднимался. Не спустился, значит. Что это было, самоубийство?

– А вы что думаете?

– Я думаю? – удивилась девушка. – Я вообще ничего об этом не знаю.

– Не знаете?.. А почему вы про лестницу сказали?

– Про лестницу?

– Да, вы говорили, что лестница на чердак в доме одна. Сначала сказали, что я вас подозреваю, а потом показали на нее. Как будто я вас из-за лестницы подозреваю.

– И что? – еще непонимающе, но уже настороженно спросила Лена.

– А то, что потерпевший мог подняться по этой лестнице. Да, по той самой, которая находится возле вашей квартиры. Именно на этом вы и заострили внимание.

– А разве он по этой лестнице не поднимался?

– Поднимался. Вы слышали, как это происходило.

– Да, слышала, но не понимаю вас.

– Почему вы сразу не сказали, что слышали шаги? Про единственную лестницу сразу упомянули, а про шаги – потом, и то лишь тогда, когда я спросил.

– А это имеет значение? – Лена вроде бы по-прежнему ничего не понимала, но тревога ее усилилась.

Кустарев промолчал. В принципе ничего страшного не произошло. Может, она и не подумала сразу об этих шагах по лестнице. Но узелок на память он себе завязал.

Возможно, Лена действительно не обратила на это никакого внимания. Но не исключено, что эти шаги она придумала на ходу, после того как провела в дом сотрудника полиции, узнала про труп, который могла увидеть.

Так уж устроен человек. Правда из него льется легко, свободно и, главное, последовательно. А вот когда он вынужден что-то скрывать, в мыслях возникает затор, отсюда заусенцы, шероховатости в показаниях. Чем больше вопросов, тем серьезнее дефекты, которые замечаются, наматываются на ус.

– Лена, вы давно здесь живете?

– Два года уже.

– А лет вам, если не секрет, сколько?

Молодая еще, но уже не девчонка. Ей где-то двадцать с маленьким хвостиком. Но ее возрастом Гриша интересовался не только из личных соображений.

– Так вы же из милиции... – Она слегка замялась. – Для вас не секрет. – Двадцать один год мне. Паспорт принести?

– Да, пожалуйста.

Она пожалала плечами, вышла в прихожую, покопалась в сумочке, принесла документы.

Киршанова Елена Васильевна, восемьдесят девятого года рождения. Через месяц ей исполнится двадцать два. Прописка местная – город Бочаров, улица Самарская. Паспорт новый, выданный по случаю достижения двадцатилетнего возраста.

– А раньше вы где были зарегистрированы? – спросил Кустарев.

Девушка напряженно посмотрела на него. Слишком уж много вопросов задавал этот настырный парень, а ей вовсе не хотелось входить в число подозреваемых.

– Воронежская область, город Павловск. А что?

– Нет, ничего.

– Приехала в Москву, работала, накопила денег. Вас интересует, чем именно я занималась? – Она пристально посмотрела на него.

От волнения у Кустарева запершило в горле. Сейчас Лене, считай, двадцать два года. Допустим, работать она начала с семнадцати лет. Без московской прописки, образования. Где она могла за три года заработать на квартиру? Курьером в отделе доставки? Распространителем рекламных листовок? Вряд ли.

А вдруг она зарабатывала на панели?.. Может, с четырнадцати лет этим занималась?

– Ну, раз уж зашел такой разговор... – смущенно пробубнил он.

– А если это сугубо личное дело? – Лена и не думала отводить от него взгляд.

Оправдываться она явно не собиралась, совершенно не переживала насчет того, что думает о ней какой-то старший лейтенант полиции. Именно так Гриша и читал ее взгляд.

– Ну, если так, то без вопросов, – заявил он.

– Я имею право на личную жизнь, – с тихим вызовом сказала она.

– Да, конечно.

Занятие проституцией подпадает под Административный кодекс и уголовным преступлением не является, так что и взятки с Лены гладки. Она достойна только порицания и личного осуждения, но Кустарев не имел права и на это. Да и не хотел он осуждать эту девушку, так волнующую его. Тем более что она уже не занималась ничем таким.

От соседей ничего не скроешь, а Кустарев общался с ними. Не ходили к ней мужчины, не принимала она клиентов.

Но с Аникеевым Лена могла познакомиться не из корыстных побуждений. Понравился ей парень, вот она и пригласила его на огонек. Но зачем ей было сбрасывать Романа с крыши? Да и как она могла сделать это?

А может, это была какая-то игра? Аникеев мог блеснуть перед ней своей смелостью – забрался на крышу, глядя на Лену, шаг за шагом подступил к пропасти. Может, он собирался возвращаться к ней, когда вдруг поскользнулся?

Но эксперт не выявил никаких следов, которые указывали бы на такой момент. Не поскользнулся Аникеев. Он пытался до тех пор, пока не наткнулся на барьер из железных прутьев, который не смог стать надежной преградой, не предотвратил падения.

– Вид у вас озадаченный, – сказала Лена и грустно усмехнулась. – Как будто вы в тупик попали.

– Да, есть такое ощущение, – невольно сознался он.

– Вы сказали, что молодой человек упал с крыши.

– Да, упал.

– Сам?..

– Возможно.

– Если он сам упал, то почему вы меня подозреваете? – Она смотрела ему в глаза мягко, но настойчиво.

Гриша душой чувствовал ее взгляд.

– Я вас не подозреваю.

– Подозреваете. Я же вижу, что так оно и есть.

– И вас это беспокоит, – заметил он.

– Да, вы правы, – не стала отрицать она.

– А почему это вас беспокоит, если потерпевший сам упал?

– Меня беспокоит ваш ко мне интерес.

– Да как-то странно все...

– Что странно?

– Вы уже достаточно взрослая, а про лестницу знаете. На чердак поднимались. Обычно этим дети интересуются. Что вы делали на чердаке?

– А если я по жизни любопытная?

Кустарев сконфуженно кивнул. Какие-то глупости настырно лезли к нему в голову. То дефекты в показаниях, то детский интерес к чердакам. А ведь Лена ясно дала понять, что поднималась туда летом, когда жарко было и душно.

Может, им двигало интуитивное, подспудное, даже подленькое желание уличить Лену в чем-то крамольном, поставить в зависимость от себя? Нравилась ему эта девушка, даже более чем. Он хотел обладать ею.

Пусть Лена и была когда-то проституткой, но этот возможный факт не отвращал от нее. Парню неприятно было это осознавать, но желание обладать ею не исчезло. Если оно и ослабло, то совсем на чуть-чуть.

– Вы знали Романа Аникеева?

– Нет, – тихим голосом четко ответила она.

– И труп его сегодня не видели?

– Нет.

– Вы слышали, как сегодня ночью кто-то поднимался по лестнице?

– Слышала.

– Но не видели?

– Но не видела.

– Ну что ж, тогда не смею вас больше беспокоить, – заявил Кустарев.

Он должен был спешить в управление, но ему не хотелось уходить. Лена не заигрывала с ним, даже не пыталась флиртовать, но Гриша и без этого чувствовал силу ее притяжения.

Он вышел в коридор, надел куртку. Лена шагнула к двери, чтобы выпустить его, но в этот момент ее вдруг шатнуло и повело в сторону. Девушка попыталась удержать равновесие, но не смогла. Она упала бы, не поймай ее Кустарев. Он подхватил Лену на руки, перенес в гостиную, уложил на диван.

– Спасибо, не надо. – Она недовольно махнула на него рукой, поднялась, но ее снова сильно шатнуло.

Гриша протянул руку, чтобы удержать ее, но девушка опустилась на диван, села, приложила к вискам пальцы. Взгляд растерянный, рассеянный, чуточку шальной, выражение лица болезненное.

– Вы идите, я потом дверь запру, – сказала она и закрыла глаза.

– Может, «Скорую» вызвать?

– Не надо, это пройдет.

– И часто у вас такое?

– Да, иногда бывает.

– Может, вам обследоваться надо? Если хотите, я завтра отгул возьму, в Москву съездим. – Кустарев сначала сказал, а потом сообразил.

Нельзя было такое говорить. Он оперуполномоченный уголовного розыска, а не Минздрава.

«Впрочем, все равно, что подумает Лена. Нравится она мне, и пусть это ей станет известно!» – решил парень.

– А я, по-вашему, зачем в Москву ездила? – сказала она, признательно глянув на него. – В клинике я была, томографию... впрочем, это неважно. Главное, что нормально все.

– Если нормально, то почему вас шатает?

– Не знаю. Может, с мозжечком проблема.

– Узнать надо.

– Да, пытаюсь. Вам это интересно? – с добродушной насмешкой спросила она.

– Мне вас по-человечески жаль.

– А не надо меня жалеть. Нормально все. – Лена поднялась, ее снова повело, но лишь слегка.

Гриша хотел взять девушку за локоток, но она оттолкнула его руку, вышла в прихожую и открыла дверь. Ему ничего не оставалось, кроме как покинуть этот дом.

Совещание уже закончилось, когда он вернулся в управление. Одинцов не возмущался, как-никак подчиненный занимался делом, свидетеля опрашивал.

О разговоре с Леной Кустарев рассказал в двух словах, о своих смутных догадках распространяться не стал. Не стоило смешивать квадратное с зеленым.

– Значит, Киршанова слышала, как кто-то поднимался по лестнице, – сказал Одинцов. – А что насчет спуска?

Солидный мужик, крутой закваски, брутального типа. Крепкая, наголо бритая голова как будто влита в мощные плечи. Переносица широкая, прямо как у льва, небольшие раскосые глаза сытого тигра, ударопрочный нос с горбинкой, чем-то напоминающий ястребиный клюв.

– Она не сказала... – Кустарев замялся.

– А ты спрашивал? – Начальник правильно понял причину его замешательства.

– Да как-то упустил. Хотел спросить. Она сказала бы, если бы слышала, – оправдываясь, промямлил Гриша.

– Надо было узнать, сколько человек поднимались и спускались.

– А какой смысл, если это самоубийство.

– А если нет?.. Ты же сам сказал, что самоубийцы идут к смерти лицом, а не задом.

– А если он задом шел, чтобы не так страшно было? Может, передумать боялся?

Начальник внимательно посмотрел на него.

– Что-то не пойму тебя, Гриша. Ты же рвал и метал, а сейчас как будто перегорел. Что-то случилось?

– Да ведь тут глухарь вырисовывается.

Одинцов кивнул, на мгновение выпятив губы. Он и сам это прекрасно понимал. Кустареву не хотелось возиться с этим делом. А вдруг Киршанова в нем замешана? Пока он задавался этим вопросом неосознанно, не решался принять сторону Лены, но вектор его мысли уже уперся в нее.

– Я тут ехал, думал. Скользко на крыше было, а там наклон. Будь я на месте Аникеева, возможно, тоже сдавал бы задом, – сказал Кустарев.

И снова в его голосе прозвучали оправдательные нотки.

– Ты на своем месте, Гриша, – с усмешкой заявил Одинцов. – И тоже сдаешь задом. Ты же сам провел параллель с делом Охоткина.

– Ну да, провел.

– Эта параллель и без тебя просматривается. Как Аникеева на Самарскую улицу занесло? Кто его в этом доме знает?

– Никто. Я, конечно, спрашивал.

– И я спрашивал. У Юдаевой. Не было у Аникеева суицидальных мыслей. Ему в этой жизни все нравилось. И еще он большим ходок по бабам был. Роман на днях вместе с Юдаевой зашел в торговый комплекс, какую-то девушку там заметил и сразу стойку на нее сделал.

– Какую девушку?

– Дело не в том, какую девушку он заметил, а в его отношении к женщинам. Он за любой юбкой готов был бегать. Юдаева не воспринимала его всерьез. Повышенное влечение к жен-

щинам у него было, а это не причина для самоубийства. Женщины, конечно, не всегда соглашаются, но у него с этим проблем не было. Жизнь была ключом, от самых от корней.

– Может, он и на Самарскую улицу попал из-за женщины?

– Не исключено.

– Может, его и вывели в расход по этой причине. Сначала на чердак...

– Кто?

– Женщина не смогла бы. Может, кто-то его с кем-то застукал? Допустим, оскорбленный муж вывел его на чердак, чтобы морду ему набить.

– А драка была?

– А если рогоносец за пистолет схватился? Может, Аникеев сперва в штаны наложил, а потом с перепуга и съехал с крыши?

– Надо найти этого рогоносца. Если он есть.

– Кто ж признается в том, что он рогоносец?

Одинцов многозначительно промолчал. Во-первых, Кустарев озвучил ему риторический вопрос, во-вторых, задал его не по существу. Задача ему поставлена, пусть работает. Как именно он отроет правду, это его забота. Если Гриша что-то не понял, то начальство ему объяснит. Но не сегодня, а завтра. А сейчас Одинцову домой пора. Он человек практически семейный, до полуночи на службе задерживаться ему не с руки.

Да и Грише пора было домой. Семьи у него не имелось, но он запросто мог позвонить Юле, назначить ей встречу в ресторане, поужинать вместе, а потом забрать к себе домой. До утра. Она точно не откажется, если свободна. Девушка она красивая, но не лежит у него к ней душа. Тем более сейчас, после того как в его жизни появилась Лена.

У него, кстати, есть вопросы к этой замечательной девушке. А еще надо бы узнать, как она себя чувствует после головокружения. Может, ей помощь требуется?

Гриша понимал, что не должен был ехать к ней. Зачем ему бывшая проститутка, вдобавок хворая, дефективная? Может, и не была Лена в Москве, не обследовалась? Вдруг у нее какая-то тяжелая форма менингита? Как можно жить с женщиной, у которой постоянно болит голова?

Эти вопросы лезли ему в голову всю дорогу, но Кустарев не свернул с пути.

Глава 4

Опер обязан уметь подкрадываться к преступнику. Шаг у него должен быть такой же тихий, как у охотника на промысле. Старший лейтенант Кустарев приучал себя передвигаться неслышно в любой ситуации, но, видимо, это еще не очень хорошо у него получалось. Подошва мягкая, «тихая», одышкой он не страдал и на пятый этаж поднялся без лишнего шума. И все-таки его заметили.

Один парень в кожаной куртке стоял у лестницы, а другой – впритирку к двери в двадцать вторую квартиру. Один рослый, крупный, видный, другой маленький, худосочный, невзрачный. Оба в перчатках.

Услышав Гришу, крупный сдвинулся в сторону, перекрывая ему дорогу. Худосочный держал правую руку за спиной. Наверное, он прятал в ней ключ от квартиры или отмычку. Этот фрукт возился с замком, пока не учуял опасность. Кустарев практически не сомневался в том, что парни собирались вскрыть квартиру, в которой жила Лена.

– Эй, на крышу хода нет! – сказал крупный.

Черные брови крыльями смыкались на широкой переносице. Глаза маленькие, холодные, угрожающая улыбка на тонких губах.

– А почему? – Гриша все понимал, но ему нужно было сблизиться с этим типом.

Он продолжал идти, для вида замедлив шаг. Ему нужно было время, вот он и заговаривал зубы этим субъектам.

– А чтобы такие, как ты, с крыши не падали.

– Да? Ну что ж, тогда я пойду.

Он действительно собрался уходить и даже стал разворачиваться. Парень разгадал его маневр и подставил руку под удар. Но Гриша бил быстрее, чем тот соображал, сильно, точно.

Он удачно врезал в «солнышко», и чернобровый незнакомец сложился пополам. Хороший получился удар, пробивной. И сила в руках медвежья.

Кустарев не стал добивать противника, он просто перекинул его через перила, освобождая себе путь. Сначала Гриша сделал это, и только затем в его сознании мелькнула беспокойная мысль. А если парень сломает себе шею?

Но такое соображение всего лишь скользнуло и даже шаг не замедлило. Гриша рванул к маленькому взломщику, схватил его за руку, чтобы взять на прием. Наручники на поясе. С одним он уже фактически справился, остался второй.

Кустарев собирался взять и этот барьер, но «гоп» не говорил. Он твердо знал, что нельзя недооценивать противника, пусть и такого мелкого. Но даже столь серьезное отношение к делу не спасло его.

Недомерок отбил одну его руку, заблокировал вторую и ударил головой в грудь. Эта атака ошеломила Гришу, а вторая отправила его в нокаут. Взломщик угодил ему кулаком в горло, и от острой пронизывающей боли в глазах парня потемнело.

В чувство его привел резкий запах, похожий на боль от удара. Сознание выдало целеуказание, и Гриша бросился на врага. Лена едва успела отскочить в сторону.

– Это ты? – спросил он и чуть не скорчился от боли.

Каждое слово, как пуля, простреливало его мозг.

– Я?..

– А эти? – Данный глубокомысленный вопрос тоже вызвал приступ боли.

– Какие эти?

На сей раз Кустарев скривил губы, приложил пальцы к отбитому горлу и ощупал кадык. Вроде не сломано ничего. Видно, удар пришелся в точку, расположенную рядом с щитовидным хрящом.

– Больно?

Гриша кивнул.

– Кто тебя так?

Он вопросительно вскинул брови. Неужели она действительно не в курсе?

– Кто-кто! Ходят тут всякие! – донеслось из-за двери.

Гриша обернулся и увидел пожилую женщину с безобразным бородавчатым носом. Она смотрела на него через открытую дверь, не решаясь переступить порог.

– На людей бросаются!.. Как вы, товарищ милиционер? – спросила соседка и протянула руку, как будто собиралась схватить Кустарева и затащить его к себе в дом.

Гриша кивнул, дескать, все хорошо.

– Товарищ старший лейтенант ко мне шел. – Лена с виноватой улыбкой глянула на эту женщину. – Вопросы у него.

Он снова кивнул. Ему действительно нужна была только Лена – как в данном случае, так и вообще по жизни.

– Да уж, если эти самые вопросы на милицию бросаются, то как нам тогда жить? Опять, наверное, на чердак лезли?

Кустарев кивнул, на мгновение закрыв глаза. Да, именно на чердак злоумышленники и лезли. Пусть женщина пока так и думает.

– Может, это они вчера ночью?.. – спросила Ольга Ивановна.

Кустарев уже разговаривал с этой женщиной. Ничем она ему не помогла, поскольку прошлой ночью ничего не слышала, но ее имя он запомнил. Так звали его первую учительницу...

Гриша снова кивнул. Боль вроде бы уже прошла, даже перед глазами перестало двоиться, но страшно было напрягать голосовые связки. Вдруг острая резь снова прострелит мозг?

– Надо разбираться! – сказала женщина таким тоном, как будто ставила ему задачу.

– Обязательно разберемся, – заявил он и улыбнулся.

Отбитая точка на горле болела, но говорить парень мог уже вполне свободно.

– И с вами, Ольга Ивановна, обязательно общаемся. Вы, наверное, видели этих людей?

– Да, видела. Убегал тут один.

Гриша всполошенно дернулся. В его сознание вонзилась мысль, на этот раз совершенно страшная. Он сунул руку под полу куртки, и его отпустило. Пистолет был на месте. Не хватало еще без табельного оружия остаться.

– В спину его только и видела. А ты? – глянув на Лену, спросила Ольга Ивановна.

– Не видела.

– Да? А мне показалось, что у тебя дверь закрылась.

– Нет, как раз наоборот. Когда я дверь открыла, тут никого не было.

– Ну да, открылась дверь. Но сначала закрылась. В тот момент, когда я выглянула.

– Вам показалось или вы видели? – с живым интересом спросил Кустарев.

Дверь в двадцать четвертую квартиру распахивалась внутрь, левой рукой. Вид на всю лестничную клетку открывался не сразу. Сначала нужно было выглянуть из-за створки.

Вдобавок Ольга Ивановна сама признавалась, что со слухом у нее неважно. И прошлой ночью она ничего не слышала, и сейчас выглянула из квартиры с запозданием.

А удивление Лены казалось искренним. Легкое такое, совершенно не окрашенное возмущением. Ну, подумаешь, ошиблась женщина, с кем не бывает. И чего тут скрывать? Если бы Лена открыла дверь и увидела человека, который нокаутировал Кустарева, то она обязательно сказала бы об этом.

Кстати, разговор шел об одном человеке, и Кустарев понял почему. Чернобровый тип никак не мог убегать, потому что Гриша сбросил его с лестницы. Вдруг он до сих пор там лежит?..

Увы, внизу никого не было. Видно, маленький и неказистый субъект утащил своего дружка с собой. Может, он как раз сейчас затаскивал малоподвижное или вовсе бесчувственное тело в машину?

Кустарев сбежал по лестнице, вышел во двор, обогнул дом. Никого, ничего. Он не обнаружил поблизости ни единого возможного свидетеля.

Гриша позвонил Одинцову и рассказал, в какой переплет попал.

– Как себя чувствуешь? – спросил начальник, выслушав его.

– Да нормально, жить можно.

– Оружие?..

– На месте.

– Очень хорошо. Квартиру Киршановой, говоришь, взламывали?.. Может, это дружки Аникеева?

– Не исключено и такое.

– Давай к ней. Парень ты холостой, все равно делать тебе нечего. В общем, с Киршановой ночь проведешь. Без вольностей, конечно. Охранять ее будешь, заодно и разговорить попытайся. Еще надо бы составить портреты этих ребят. Программа у тебя должна быть.

– Все есть.

– Тогда работай. Да, эти ребята руками к чему-нибудь прикасались?

– В перчатках они были.

– Это плохо. Посмотри там, может, кто-то что-то выронил. Ну и фотороботы, это само собой!..

Кустарев получил задачу, заглянул в свою машину, забрал оттуда планшет со специальной программой, зашел в подъезд.

На лестничной площадке пятого этажа никого уже не было. Лена открыла ему не сразу. Парню пришлось немного подождать. Этого времени ему как раз хватило на то, чтобы обследовать лестничную площадку пятого этажа. Ничего подозрительного Гриша там не нашел. Даже окурков не было – ни свежих, ни старых.

Он зашел в комнату. В глаза бросилась открытая дверца шкафа. Еще Кустарев заметил край спортивной сумки, торчащий из-за кресла.

– Куда-то собираешься? – спросил он.

– С чего вы взяли? – с заметным притворством удивилась Лена.

На ней были все те же джинсы и свитерок, в которых она выходила к нему на площадку. А ведь он помнил ее в юбке и кофте. Похоже, девушка неспроста переделалась. Еще до появления гопников.

– Да шкаф распахнут, сумка открытая. Вещи складываешь?

– Нет, просто... – Лена замолчала и опустила голову.

– Давай выкладывай, кого ты там боишься?

– Никого я не боюсь.

– К тебе в дом двое ломались. Одного я с лестницы скинул, а другой меня уронил. У этого гада отмычка была, он твою квартиру вскрывал.

– Да? – Лена отвела взгляд в сторону.

– Да. Кто эти люди?

– Не знаю. Я сегодня из Москвы ехала на электричке, двое ко мне привязались.

– Как они выглядели?

– Один здоровый такой, другой маленький и очень мерзкий. Я им сказала, чтобы они от меня отстали, они ухмыльнулись. Я не видела, чтобы эти парни за мной пошли.

– А они пошли?

– Выходит, что так.

– Раньше ты их не видела?

– Нет! – На этот раз ответ прозвучал без фальши.

– В лицо их запомнила?

– Запомнила. Эти морды перед глазами стоят! – Она усмехнулась.

– Может, креативом займемся? Фотороботы составить надо. – Кустарев невесело шелкнул пальцами по планшету.

В сознание парня вгрызся вопрос-червячок. Вдруг эти двое были когда-то клиентами Лены? Может, они снова захотели горяченького? Допустим, она чем-то их заразила и они решили ей отомстить?

Думал он и о том, что эти ребята могли быть друзьями Аникеева. Но почему вся эта троица прицепилась к Лене? Может, и Аникеев хотел от нее чего-то эдакого?

– Не знаю, – инстинктивно глянув на открытый шкаф, сказала Лена.

– Чего ты не знаешь? Торопишься?

– Нет.

– Ты не переживай. Отморозков этих в розыск объявим, рано или поздно возьмем.

– А если поздно?

– Я с тобой останусь. На ночь.

– А мы с вами уже на «ты»? – осведомилась Лена и язвительно усмехнулась.

– Если вы против, то нет, – ответил парень, слегка смутившись.

– Против того, чтобы ты остался со мной на ночь?

– Нет, не в том смысле. – Щеки у Гриши вдруг предательски потеплели от смущения, а ведь он давно уже не юнец.

Как бы не покраснеть!

– А в каком?

– Мне приказали тебя охранять. В этом смысле.

– Я так почему-то и подумала, – заявила Лена и колко усмехнулась.

– И портреты отморозков составить надо. Так они познакомиться с тобой хотели? – неуклюже спросил он.

– Типа того.

– Назвались как-нибудь?

– Как-нибудь назвались, – подтвердила она. – Крупного Юра зовут, мелкого – Толик. Фамилиями я не интересовалась.

– Толик, значит. – Кустарев легонько помассировал пальцами отбитое горло.

Не повезло ему с этим мелким, слишком уж по-крупному он с ним влетел. Хотя, конечно, могло быть и хуже.

– Кто так с тобой? – участливо спросила Лена. – Крупный или мелкий?

– А кто убежал, тот и ударил.

– Я не знаю, кто убежал.

– А если знаешь?

– Этой красавице поверил? – Девушка грустно усмехнулась и кивком показала в сторону соседней квартиры.

– Ольге Ивановне, конечно, могло и показаться.

– Если эти придурки ко мне ломались, то какой смысл им от меня убежать?

– А вдруг у тебя оружие было? – Кустарев сощурился, как это делает охотник, заметив след зверя.

Может, Лена и Аникеева точно так напугала?

– Оружие?! – Она возмущенно вскинула брови.

– Ну, мало ли.

Лена поджала губы, взяла спортивную сумку и вывалила на пол все ее содержимое: белье в пакете, коробку с обувью, платья, спортивный костюм, косметику. Вещи падали на пол легко, без глухого стука. Непохоже, чтобы в них были спрятаны тяжелые металлические предметы.

– Можешь пальто мое обыскать! – Она повела рукой в сторону прихожей.

– А вдруг ты ствол еще где-то спрятала?

– Зачем? Я уходить собиралась. Если бы у меня было оружие, то я обязательно прихватила бы его с собой. Ну и чего стоишь, обыскивай давай! Можешь с меня начать. – Лена подняла руки.

Кустарев не удержался и провел рукой по ее спине вдоль пояса. Только там она могла прятать пистолет. Но он не нашел ничего.

– Это и все?

– Все.

– А вдруг у меня и правда есть пистолет? Может, пневматический? Вдруг его за боевой приняли? – спрашивала Лена, с едкой насмешкой глядя ему в глаза.

– Может, и приняли, – эхом отозвался он.

– Если они меня испугались, то зачем я убегаю от них? Ведь я такая страшная!

– А ты от них убегаешь?

– Нет, не убегаю. – Лена нахмурилась. – Просто домой надо съездить, родителей повидать.

– А если они за тобой отправятся и там, у родителей, тебя найдут? Мама твоя пострадает, отец. Кто у тебя еще, братья, сестры?

– Зачем они за мной поедут? – удивилась она. – Это что, мафия какая-то? Гопники обычные. Завтра эти ребята про меня уже и помнить не будут.

– Аникеев с ними был?

– При чем здесь он?

– Может, они за ним приходили?

– С отмычкой?

– А почему нет? Вдруг они за ним охотились, им Аникеев был нужен, а вовсе не ты?

– Вы меня в чем-то подозреваете? – сердито спросила она.

– Нет, но есть моменты...

– Моменты есть, а постановление на обыск?

– Нет постановления.

– Тогда прошу! – Лена порывисто вытянула руку в сторону двери.

– Вообще-то у меня задание.

– Ничего не знаю!

– Хорошо, я ни в чем вас не подозреваю.

– Вот и славно! – Лена выдохнула и покачала головой, исподлобья глядя на Гришу.

Она вышла из комнаты, и он последовал за ней на кухню.

– Нет у меня здесь пистолета, не собираюсь я в тебя стрелять, – сказала девушка и совсем невесело усмехнулась.

– Зачем в меня стрелять?

– Так я же тут кругом во всем виновата. И Аникеева с крыши сбросила, и Юру с Толиком убить хотела. Давай вешай собак!..

Лена подняла с пола пакет, который стоял у дверей, покопалась в нем, достала и выложила на стол упаковку с яйцами, полпачки сливочного масла, кусок колбасы. Потом она зажгла конфороку, поставила на нее пустую сковороду.

Кустарев поднялся, открыл холодильник. Там пусто. Все продукты Лена сложила в пакет, собиралась выбросить или с собой забрать. Она в любом случае освобождала холодильник, чтобы продукты в нем не завоняли. Видно, девушка готовилась исчезнуть надолго.

А собралась она еще до того, как появились отморозки. Значит, знала, что они придут за ней. Когда беда не просто стучит, а ломится в дверь, нужно бежать от нее сломя голову.

– Опять что-то не так? – с досадой глянув на него, спросила Лена.

– Ты знала, что к тебе Юра с Толиком придут? – спросил он.

– Нет, конечно.

– А мне кажется, что знала. Сначала Аникеев пришел, потом Юра с Толиком.

Лена глянула на Кустарева с печалью психиатра, который осознал тщетность своих усилий, как на безнадежного, и вздохнула.

– Я не знаю, как ты от Аникеева избавилась, – заявил он и покачал головой.

Лена снова вздохнула и повернулась к нему спиной. Она бросила кусок масла на сковороду, взяла в одну руку нож, в другую – колбасу.

– Он, конечно, сам упал. Романа никто не толкал. Но что его напугало, вот в чем вопрос.

– Пистолета у меня нет. Если не веришь, можешь устроить обыск прямо сейчас, без всякого постановления. А если нет оружия, то чем же я могла его напугать?

– Не знаю.

– Если не знаешь, то зачем говоришь?

Она бросила на сковороду жменью нарезанной колбасы. Кустарев видел это, но все-таки вздрогнул, услышав резкое шкворчание. Он вдруг решил, что это Лена зашипела на него.

– Я не говорю, а рассуждаю вслух.

– Рассуждаешь? – Лена повернулась к нему, кухонный нож тускло блеснул в ее руке. – Против меня рассуждаешь. Как будто нарочно обидеть хочешь. – Глядя на Гришу с мягкой насмешкой, она плавно провела пальцами по лезвию ножа.

Он засмотрелся на это движение. Оно просто заворжило его.

– Скажи, я тебе нравлюсь? – все с той же насмешкой спросила девушка.

– А при чем здесь это?

Да, ему нравилась Лена. Он хотел смотреть на нее, но не мог оторвать глаз от пальцев, которые ласкали острие ножа. Они у нее красивые, да и движения заволакивающие. А взгляд мягкий, нежный, просто обволакивающий.

Глава 5

В какой-то момент Кустареву показалось, будто стул, на котором он сидел, оторвался от пола, легонько и плавно качнулся. Тут Лена отвернулась от него, взяла яйцо, ударила по нему ножом, разбила скорлупу.

– Да, ты мне нравишься, – сказал он.

– Я так и поняла.

Она стояла спиной к нему. Он не мог видеть ее лицо, но готов был побиться об заклад, что Лена опустила глазки и смущенно улыбнулась.

– Ты в школе девчонок за косички дергал?

– А кто не дергал?

Гриша вспомнил свою первую любовь, Свету Морозову. Красивая девчонка, внешне очень напоминала Лену. Да, он хорошо помнил этот момент. Мальчишка догнал Свету и схватил ее за косичку. Она возмущенно повернулась к нему. На него смотрела Лена. Те же черты лица, тот же взгляд разочарованного психиатра. Даже выражение лица взрослое.

Гриша зажмурил глаза. Не могла маленькая девочка Света быть похожей на взрослую Лену. Глюки какие-то!..

– Теперь я понимаю, почему ты ко мне цепляешься, – заявила Лена и сдавленно засмеялась.

– Я цепляюсь?

– Я, между прочим, тебе первую помощь оказала, в чувство привела. А ты всех собак на меня вешаешь, – в ее голосе колыхнулось мягкое, чуть ли не ласковое возмущение.

– Профессия у меня такая. Что вижу, то пою. Соседка заметила, как ты дверь закрывала, когда я в отключке был...

– Не видела она ничего.

– Ты и продукты вот собрала, – добавил Гриша.

– Юру и Толика ждала? – Лена потушила огонь под шкворчащей сковородой и повернулась к нему.

– Вдруг ты кого-то реально боишься? Сначала Аникеев к тебе пришел...

– И я его на тот свет отправила? – с загадочной улыбкой на губах перебила она его.

– Все могло быть.

– На чердаке обнаружены мои следы?

– Нет, не было ничего.

– Юра с Толиком дверь пытались сломать? – спросила она, мягко, лилейно глядя на него. – Они в дверь, а этот Аникеев через окно!..

– Как?

– Может, он ко мне в окно собирался залезть. Через чердак.

– В окно? Через чердак? – Гришу заворожила эта мысль.

– А вдруг?.. Полез на крышу и свалился.

– Тогда куда веревка делась?

– Ты это серьезно? – удивилась Лена. – Я же пошутила. Не знаю я никакого Аникеева. Да и никогда не знала. С Юрой и Толиком только сегодня познакомилась. Если это можно так вот назвать.

– Это не знакомство, а издевательство, которое могло плохо кончиться. Они едва не вскрыли дверь.

– Но ты же меня защитил? – Она признательно улыбнулась, с нежностью глядя на него.

– Выходит, что да.

– И дальше защищать будешь?

- А почему нет?
- Тогда я должна с тобой дружить. – Лена вынула из шкафа тарелку, выложила на нее свою стряпню, подала на стол.
- Так я же не против.
- Чай, кофе?
- Лучше кофе. И покрепче.
- Сторожить меня собираешься? – Она мило улыбнулась, доставая из шкафа банку растворимого кофе.
- А надо?
- Я согласна.
- Да, такая девушка, и почему-то без охраны. Непорядок! – заявил Гриша и поинтересовался: – Или она у тебя была?
- А соседи что говорят? – спросила Лена и поставила на стол кружку с кофе.
- Мол, ты одна здесь живешь.
- Правильно. Нет у меня никого.
- А был? – не вытерпел Кустарев.
- Да. Но это мое и ничье больше! Так что не надо!.. – Она довольно резко глянула на него.
- Да, ты в принципе права.
- Почему только в принципе? Тебя напрягает мое прошлое?
- Нет.
- Не ври и не напрягайся. Спроси, что тебя интересует, узнай и расслабься.
- Так просто?
- Так просто, – подтвердила девушка и ободряюще улыбнулась.
- Ты в Москву приехала, работала там, квартиру вот купила...
- И что?
- Интересно знать, где ты работала, – выдавил из себя Кустарев. Он не должен был этого говорить, но Лена сама спровоцировала его.
- Проституткой, – безмятежно сказала она.
- Проституткой?
- Ты же это ожидал услышать?
- Я ожидал?
- Да. Но ты не переживай. Не работала я проституткой, – сказала девушка и улыбнулась краешками губ. – Даже секс по телефону не практикую. А откуда деньги на квартиру?.. Так она не очень дорогая. Восемьсот тысяч всего.
- А это мало?
- Я официанткой работала, в месяц тридцать-сорок тысяч выходило. За два года скопила полмиллиона.
- А остальные?
- Остальные жених добавил, – как о чем-то незначительном сказала она.
- Жених?! – опешил он.
- Видишь ли, я почему-то думала, что Иван женится на мне, – проговорила Лена и грустно улыбнулась. – А он сказал, что все. Прошла любовь, завяли помидоры. Для него прошла. А я его люблю.
- И сейчас любишь? – От ревности у Гриши заглодело в душе.
- И сейчас люблю. Ну, может, уже и не так, как раньше. А первое время света белого не видела. Квартиру здесь купила, закрылась в ней, как монахиня в келье.
- А почему именно здесь? Этот Иван в Бочарове живет? – дрожащим от волнения голосом спросил он.

– Нет, не в самом Бочарове. Но дом у него действительно тут недалеко. Мне хотелось быть рядом с ним. Наверное, я дура. – Лена глубоко вздохнула.

– Иван, говоришь?.. Точно? – всколыхнулся Кустарев.

А вдруг Лена жила с Охоткиным? Его звали Антоном, но, может, он представлялся Иваном для конспирации? Вдруг Аникеев и погиб именно потому, что убил Охоткина?

– Ты опять меня в чем-то подозреваешь? – с упреком спросила Лена, посмотрев на него с всепрощающей мягкостью.

Под ее взглядом Гриша почувствовал себя последним кретином и даже самым настоящим подлецом. Ясно же, что Лена непричастна к убийству Аникеева. Почему он подумал на Охоткина? А потому, что Антон Сергеевич мертв. Грише нужен был мертвый, а не живой соперник, вот и весь секрет. Он собирался бороться за Лену с покойником. Так что это, если не банальная низость?..

– Нет, не подозреваю, – заявил Гриша и качнул головой.

При этом он виновато глянул на Лену, но ей этого было мало.

– Нет? – Она требовала от него большего.

– Нет, не подозреваю, – четко проговорил он.

– И не надо меня подозревать. Никакого Аникеева я не знаю.

– И точка! – сказал он.

Кустарев попытался осознать, то ли эта мысль пришла к нему сама по себе, то ли девушка внушила ее ему. Но он никак не мог сосредоточиться. Его мысли не разбежались. Просто они были похожи на большие тяжелые масляные шары, которые выскальзывали из щупалец сознания. Сегодняшний день был тяжелым. Из него выплеснулось множество сил и эмоций.

– И точка! – Лена улыбнулась, но ее лицо вдруг исказила гримаса боли.

Она попробовала пересилить себя, но это плохо у нее получалось.

– Ты кушай, – направляясь к двери, сквозь зубы сказала она. – Я сейчас...

В стороны ее не швыряло, но девушка завалилась вперед. Грише казалось, что она вот-вот упадет, зароется носом в пол. Он подскочил к ней, обхватил ее сзади, помог добраться до дивана, уложил. Она скорчилась в позе эмбриона, обхватила голову. Через плотно сомкнутые зубы готов был прорваться болезненный стон.

– Я «Скорую» вызову, – сказал он.

– Нет! – Не открывая глаз, она вытянула руку в его сторону. – Не надо!

– Надо! – Кустарев решительно мотнул головой и достал из кармана мобильник.

– Пожалуйста, не надо! – Лена резко поднялась и так глянула на него, что телефон как будто сам по себе вернулся на место. – Сейчас пройдет! – Она снова рухнула на диван и обхватила голову.

Он застыл, в оцепенении глядя на нее. Гриша понимал, что надо было звонить на «ноль три», но никак не мог воплотить эту мысль в действие. Так он и стоял, пока Лену терзал приступ боли.

Вскоре она поднялась с дивана, массируя виски пальцами, спокойно посмотрела на него и сказала:

– Все прошло. Теперь мне хорошо. – Девушка вымученно улыбнулась.

Его отпустило. Он сел рядом с девушкой, инстинктивно обнял ее. Она подалась к нему, опустила голову на плечо парня.

Какое-то время они сидели молча. Гриша боялся пошевелиться, чтобы не вспугнуть Лену, но она все-таки спохватилась, пугливо отстранилась от него, скинула руку парня со своего плеча. Да, девушка оттолкнула его и сама же устыдилась собственного дикарства. Он же без всякой задней мысли ее обнял, можно сказать, по-дружески.

– Извини. – Она посмотрела на Гришу так, как будто собиралась уложить голову на его плечо, но не сделала этого. – Там яичница, наверное, остыла, – тихо сказала Лена.

– Да не важно. Тебе в больницу надо.

– Я же говорю, нормально все. Диагностику делала, никаких патологий.

– Не верю, – заявил он и покачал головой.

– Ты мне все время не веришь! – возмутилась она и снова скривила лицо, как будто от боли.

– Докажи!

Девушка поднялась, полезла в шкаф, достала оттуда какую-то коробку, вынула бумаги, подала ему. Это действительно были результаты компьютерной томографии головного мозга.

– Все нормально, никаких отклонений.

– Значит, нужен углубленный анализ.

– Это неважно! Главное в том, что я тебя не обманула. Были обследования, как видишь.

– Да, но это не сегодняшнее число, – заметил Гриша. – Конец прошлого года. А ты сказала, что у врача сегодня была.

– Да не у врача. Должна же я была что-то сказать. – Лена сконфузилась, покраснела от смущения.

Парень уже понял, что этот обман дался ей очень непросто.

– А где же ты была?

– Не заставляй меня оправдываться. – Девушка умоляюще посмотрела на него. – Я от этого сильно нервничаю. У меня приступы случаются. Врач сказал, обычная мигрень. Нервы нужно беречь, здоровый образ жизни вести, меньше дома сидеть, больше гулять. Сам видишь, какая обстановка сегодня, то одно, то другое. Да еще и ты достаешь своими подозрениями.

– Так это сегодня. А вообще? Кто тебе нервы мотает?

– Сама себе. Из-за этого чертового Ивана!

– Забудь его, – посоветовал Кустарев и вздохнул.

– Пытаюсь.

– Отвлекись тебе надо, обстановку сменить. Поехали ко мне.

– К тебе? – Лена внимательно посмотрела на него так, будто пыталась прочесть намерения по глазам.

– У меня безопасно, никто тебя не тронет.

– Ну, если безопасно... ладно, хорошо.

Она нерешительно собрала вещи, на скорую руку навела порядок на кухне. Они вышли из дома, Кустарев открыл дверцу своего джипа, помог Лене устроиться на переднем сиденье. Прежде чем закрыть дверцу, он осмотрелся, пальцами касаясь рукоятки пистолета.

– Смотри, такая же машина, как у тебя, – сказала она через несколько минут, кивком показывая в окно.

Гриша действительно только что обогнал такой же джип, как у него, и свернул на перекрестке.

– Хорошая у тебя машина, – проговорила Лена и улыбнулась.

– Да, не жалею.

Джип у него был практический новый, из салона. Да и квартира отличная, не стыдно будет привести туда девушку.

– Тихо идет, мягко, – сказала Лена.

При этом она явно не думала о машине. Ее что-то беспокоило.

– Тебе не кажется, что за нами следят?

Этот вопрос беспокоил и самого Кустарева, но ничего подобного он не замечал. Перед выездом он хорошенько осмотрелся вокруг, по пути поглядывал в зеркала. Гриша не видел машин, которые поехали бы за ним или пристроились бы в хвост по пути.

– Нет, не кажется.

– А вдруг?

– Если только маячок нам прилепили, – заявил он и пожал плечами.

– Маячок?..

– Это такое устройство, которое подает сигнал для слежения. Подцепят тебе такую штуку к машине, и никуда ты не денешься.

У него самого был такой маячок – так, на всякий оперативный случай.

– Я понимаю.

– Если маячок, значит, серьезные люди за тобой охотятся.

– Не охотятся.

– Тогда о чем беспокоиться?

Лена мотнула головой. Мол, ни о чем я не беспокоюсь и ничего не боюсь. Не надо меня донимать.

Они подъехали к контрольно-пропускному пункту. Дежурный сержант узнал его машину, поднял шлагбаум, но потребовал предъявить пропуск, когда Гриша поравнялся с ним. Потом парень подогнал машину к главному входу.

– И куда мы приехали? – встревоженно спросила Лена.

– Управление внутренних дел. Я здесь работаю.

– Я что, арестована?

– Не дождешься, – ответил он и усмехнулся.

Отец нарочно купил ему квартиру в двух шагах от здания УВД, чтобы не нужно было далеко ходить. Очень мило – оставил машину на стоянке и ушел домой.

Удобней всего было идти через калитку, которая находилась в противоположной стороне от ворот. Она запиралась на замок, но у Кустарева был ключ.

Они покинули территорию управления и прошли во двор его дома. Очень хорошо – и близко, и возможный «хвост» легко отсекался. Машина, на которую мог быть прилеплен маячок, осталась во дворе управления. Попробуй угадай, куда делись водитель и пассажирка.

Дом хороший, с претензией на элитность, с охраняемыми подъездами. Правда, консьержка уже спала, когда они зашли в дом. Парень и девушка поднялись на четвертый этаж, и Гриша провел гостью в свою квартиру.

Две комнаты, большая кухня, роскошный евроремонт, дорогая обстановка в стиле хай-тек. Белые стены, черная мебель и двери. Очень удачное сочетание.

– А родители где? – не скрывая своего восторга, спросила она.

– За городом. Они живут там, а я здесь.

– Неплохо.

– У отца свой бизнес, дела идут неплохо. А я вот в полиции служу.

– По призванию? – осматриваясь, спросила она.

– Вроде того.

– Призвание – это хорошо. А квартира у тебя еще лучше. – Девушка нежно улыбнулась, ласково глядя на Гришу. – Здесь я точно буду в безопасности. Даже жаль, что бояться нечего.

– А Юра с Толиком?

– Забудь. Это всего лишь досадная случайность. – Она мило посмотрела на него.

Этот взгляд убаюкивал сознание парня.

– Случайность, – замороженно проговорил он.

– И никто за нами не следил.

– Не следил. – Кустарев соглашался с ней во всем.

– Я приму душ? – спросила она.

– Да, конечно.

Лена закрылась в ванной, а он отправился на кухню. Парень так и не прикоснулся к яичнице, которую приготовила для него Лена, а кушать хотел. Да и гостя его была голодная.

Гриша не мудрствовал, бросил в кипяток пельмени, приготовленные мамой, домашние. Он доставал из холодильника масло, когда Лена изнутри постучала в дверь ванной комнаты. Девушка звала его к себе. Он хлопнул себя по лбу – надо же, забыл подать ей полотенце!

Лена голышом стояла посреди ванны. Пластиковые шторы были раздвинуты, но это ее ничуть не смущало. Худенькая, грудь максимум второго размера, ребра просматриваются, ножки длинные, тонкие. Но ему нравилось в ней буквально все. Более того, у него никогда не было девушки с такой вот красивой фигурой, как у нее. Гриша был уверен в этом на все двести процентов.

– Чего смотришь? – Она смущенно улыбнулась и неспешно прикрылась руками. – Полотенце давай!

– Да, конечно! – Он повернул голову в сторону и протянул ей полотенце.

– Не так! – Она развела руки в стороны, показывая, как он должен его держать.

Гриша послушно растянул полотенце на всю ширину. Лена вышла из ванны, и он закутал ее. Она сама завязала узелок на полотенце.

– Там у тебя очень вкусно пахнет! – сказала девушка и чарующе улыбнулась.

Она не пошла переодеваться, прямо в тунике из банного полотенца проследовала на кухню. Гриша вывалил пельмени в супницу, бросил туда полпачки масла. Лена ела с аппетитом, с застенчивой улыбкой на губах, но без смущения во взгляде.

Потом она поблагодарила его и спросила:

– Ты мне постелил?

Кустарев кивнул, метнулся в свою спальню, достал из шкафа чистое белье.

– Я сама.

Она положила белье на кровать, с нежной благодарностью посмотрела на Гришу, подступила к нему и обвила его шею руками. Парня с головы до ног окатила жаркая упругая волна, но дальше ожиданий дело не пошло. Лена поцеловала его в щеку, взяла за руку и с милой улыбкой выставила за дверь.

– Сегодня без глупостей. Спокойной ночи! – заявила она.

Его гостыя не стала закрывать дверь на защелку, но вряд ли это был намек. Гриша так и не решился заглянуть к ней в комнату, на огонек, который он, вполне себе опытный мужчина, мог бы превратить в пожар. Если она сказала «без глупостей», то так тому и быть.

Глава 6

Припухшие веки, темные круги под глазами. Вид у Кустарева был такой, как будто он не спал трое суток, да и настроение какое-то кислое.

– Что-то ты, добрый молодец, не весел, – сказал Одинцов, озадаченно глядя на него.

– Да не выспался. – Гриша положил на стол тонкую папку. – Вот фотороботы Юрика и Толика.

– Кого?.. – Максим открыл папку, взял верхний лист с распечаткой.

Обычное прямоугольное лицо без явно выраженных дефектов. Высокие мощные скулы, пышные брови, широкий нос, тонкие губы. Ничего особенного.

– Они к Лене в электричке приставали. Один Юрой назвался, другой – Толиком. Она запомнила. Парни за ней увязались, до квартиры проводили, выследили...

– И сразу на абордаж?

– Ну, в общем, да.

– Шустрые ребята. Может, они как-то с Аникеевым связаны?

Одинцову не хотелось брать на себя два убийства. Оптимальным вариантом было списать смерть Охоткина и Аникеева на несчастный случай или суицид. Но в то же время он понимал, что в этом деле не все так просто, как хотелось бы. И связь между потерпевшими прослеживается, и убийства какие-то странные. Если таковые вообще имели место быть.

Гибель Охоткина уже была квалифицирована как несчастный случай. А если бы следователь возбудил дело об убийстве, то, возможно, им занялись бы представители областного управления. Заказ, смерть бизнесмена, все такое. Убийство Аникеева у Одинцова могли бы забрать как связанное с делом Охоткина.

А так он мог заняться этими проблемами без постороннего вмешательства. Можно было даже не возбуждать дела формально, а работать по ним, не привлекая внимания. Если эти преступления раскрыть не удастся, не беда. Можно представить все так, как будто ничего и не было. А если вдруг ему улыбнется удача, то он заслужит поощрение от начальства. Лишняя благодарность в деле не помеха.

Так он думал вчера, сегодня придерживался того же мнения, но уже с учетом нападения на Кустарева. Гриша рассказал одно, но как оно было на самом деле? Может, Юрик и Толик появились оттуда же, откуда и Аникеев? Да и Лена Киршанова могла вырасти на той же грядке.

– Нет, не связаны. Чистое совпадение, – заявил Кустарев и покачал головой.

– А Киршанова с какого бока тут прилипла?

– Да ни с какого.

– Уверен?

– Уверен, – не очень четко, но не задумываясь ответил Кустарев.

– Ты с ней ночь провел? – спросил Максим, внимательно глядя на подчиненного.

Гриша ему не нравился. У майора вдруг возникло такое ощущение, будто Кустарев выгораживал девушку. Может, он вошел с ней не только в оперативный контакт? Парень холостой, гормоны играют, а где секс, там и взаимопонимание между партнерами. А если это даже больше, чем просто секс?..

– Так вы же сказали...

– Я велел тебе охранять ее.

– Вот я и охранял.

– Без всякого?..

– Максим Львович, ну как вы можете! Вы же знаете, я с подозреваемыми ни-ни!

– А она подозреваемая?

– Сейчас уже нет.

– Нравится она тебе?

– В общем, да. – Щеки у Кустарева порозовели, он отвел взгляд в сторону, застеснялся, засмутился.

На столе зазвонил телефон, связывающий кабинет с дежурной частью. Оказывается, поступило сообщение из городской больницы, куда доставили человека с огнестрелом. Рана смертельная, шансов практически не было. Пострадавший находился без сознания, но мог и прийти в себя. Его готовили к операции под общим наркозом. Он мог и не выйти из этого состояния. В общем, нужно было срочно ехать в больницу.

Одинцов мог бы отправить туда Кустарева, но решил побывать там вместе с ним. Он дал распоряжение попридержать бригаду «Скорой помощи», которая доставила раненого в больницу, и вышел из кабинета.

Они спешили, но не успели, нашли потерпевшего на каталке, под белой простыней. Не дожил он до операции. Врачи даже не успели ввести ему наркоз.

Максим откинул простыню и увидел человека, лицо которого показалось ему знакомым. Тем более что видел он его совсем недавно. Треугольное лицо, слабо выраженные надбровья, маленькие глаза, острый нос, нитевидные губы, тонкий подбородок.

– Толик? – оторопело пробормотал Кустарев.

Он видел этого парня вчера и скомбинировал его портрет сегодня ночью.

– Вот тебе и подарочек! – озадаченно проговорил Одинцов.

Сначала Охоткин, потом Аникеев, теперь вот эта малоизвестная личность.

Одинцов снял простыню с тела. Покойник лежал на каталке в одних трусах, грудь закрывала повязка, наспех наложенная врачами «Скорой помощи». Лезть под нее Максим не стал. Этим займутся судмедэксперты, они определят характер раны, дадут заключение.

Бригада «Скорой помощи», которая должна была дожидаться приезда полиции, отправилась на срочный вызов, но информацию для Одинцова оставила. В «Скорую» позвонил некто Коряжин Олег Данилович. Его адрес и телефон были указаны на листке бумаги.

Звонить Коряжину Максим не стал, решил отправиться к нему домой, чтобы на месте составить примерную картину преступления. С Толиком все ясно. В него стреляли – наверняка на поражение.

Получив пулю в грудь, он не умер, каким-то чудом смог сбежать от убийцы. А может, и прикончил его. Не исключено, что эксперты обнаружат микрочастицы пороха на его руках и одежде.

А еще он мог убить противника голыми руками. Именно Толик отправил в нокаут Кустарева, причем удар нанес правильно, в болевую точку.

Документов у покойного не было. Ни оружия, ни денег, только какая-то мелочь в кармане и чек с автозаправки.

Обследовав одежду Толика, Максим отправился на улицу Подвойского, на южную окраину города. Он собирался взять Гришу с собой, но в самый последний момент изменил свое решение. Интуиция подсказывала ему, что с Кустаревым не все чисто. Лена Киршанова вызвала у майора подозрения. Поэтому и Гриша вышел у него из доверия.

Дом Коряжина находился на окраине города, на улице, четную сторону которой занимало некогда самое настоящее поле. Оно давно уже не возделывалось, и местность вдоль улицы Подвойской заросла молодым вербняком. Метрах в двухстах за этой чащобой начинался большой участок, отведенный под частную застройку и разбитый на множество наделов. В большинстве своем они еще пустовали, но на некоторых уже возводились дома.

Коряжин был у себя, но Максиму пришлось подождать, пока он вышел к нему. Обычный мужик, ничем не примечательный, но гонору и важности в нем оказалось выше роста. Плешивая голова, желтушные глаза, толстые небритые щеки, второй подбородок, пузо, колышущееся на ходу.

К Одинцову он подходил с коварной ухмылкой, затаившейся в глубине глаз. Этот тип будто ждал, когда Максим подаст ему руку для пожатия, чтобы намеренно удержаться от ответного жеста. Ну да, он же немалая величина в этой жизни. Неважно, что куртка на нем залатанная, да и дом захудалый. Король с голой задницей.

Коряжин мотнул головой, кивнул сверху вниз. Дескать, что нужно?

– Олег Данилович? – уточнил Одинцов.

– Ну, допустим.

– Вы раненого обнаружили?

– Ну, я, – выпятив пузо, нехотя проговорил Коряжин.

– Где?

– Вот здесь. – Толстяк перевел его через улицу и показал место, где лежал раненый Толик. – Оттуда откуда-то приполз! – Коряжин показал рукой в сторону новых построек.

Снег ночью и утром не шел, поэтому след просматривался достаточно четко. Толик полз к дороге, почти добрался до нее, выбился из сил, затих, но не умер. Он был еще жив, когда на него наткнулся Коряжин.

Максим опросил мужчину и двинулся по следу, вдоль борозды, которую проложил умиравший Толик. Парень полз, оставляя за собой кровавую полосу, на одних отрезках плотную сплошную, на других тонкую, прерывистую. А начал он так вот карабкаться, разумеется, от того самого места, где и упал.

Между крайним участком и молодым вербняком тянулась полоса относительно чистой местности. Через это открытое пространство Толик еще шел, потом попал под прикрытия заснеженной поросли и повалился.

Одинцов по следу вышел к недостроенному дому. Со стороны города сюда вела дорога, на которой отчетливо виднелись следы колес. Она уходила дальше, тянулась вдоль участков, а машина свернула к дому и остановилась.

Из нее выбрались двое, направились к дому. Тут-то все и случилось. Из дома навстречу этим людям кто-то вышел, открыл стрельбу из пистолета, но получил пулю в ответ и заскочил обратно. Все это Максим читал по следам, которых здесь было в изобилии, отпечатки подошв, кровь на снегу, гильзы на крыльце и в доме. Найти их в снегу было сложнее, но Максим справился и с этим.

Судя по всему, на машине подъехали как раз Толик и его напарник. У одного обувь примерно сорокового размера, у другого – сорок четвертого. Толик был небольшой комплекции, а Юра – крупной.

Юру подстрелили практически сразу, а Толик предположительно успел сделать несколько шагов, прежде чем получил пулю. А может, он уже был ранен, когда шел на сближение с противником, на ходу доставая пистолет.

Судя по расположению гильз, стрелял именно он. Но где тогда его ствол? Может, Толик выбросил пистолет, когда убежал? Он, конечно, мог избавиться от оружия и документов. Но вот зачем?..

На снегу отпечатались следы, которые оставили люди, засевшие в доме. Они подходили к нему со стороны дороги, двигались параллельными курсами с теми, в кого собирались стрелять. Пришли они туда, понятное дело, раньше. Отпечатки протекторов их машины нужно было искать где-то на дороге.

Этих фруктов было двое. Толика они упустили, а его напарника, судя по всему, затащили в машину. Вернее сказать, это делал один из них, в то время как другой был занят самим собой. Он получил пулю, и ему требовалась помощь.

Но, судя по всему, в машину он сел сам. Да, в ту самую, на которой приехали Толик с Юрой. Туда же забрался и его напарник. А куда же делась машина, на которой они прибыли сюда? Может, ее увел кто-то третий? Тот, кто даже не выходил к месту происшествия?

Одинцов мог в чем-то ошибаться, не исключал, что какие-то детали на самом деле выглядели немного по-другому. Но общая картина в любом случае была ему ясна. Толика и Юру пытались убить какие-то люди, но повалить им удалось только одного. Юру они погрузили в машину, раненого или мертвого, не суть важно. Выжить ему все равно не дадут. Да и Толик не уцелел.

Полную картину событий должны были составить криминалисты. Они прибыли на место, выразили свое возмущение поведением Одинцова и взялись за работу. Не понравилось им, что Максим наследил на месте преступления.

Вместе с группой подъехали оперативники – Ожогин и Ляхов. Вместе с ними Одинцов еще раз прошелся по следу раненого беглеца. Его интересовали пистолет и документы, которые Толик мог выбросить на ходу. Может быть, он не хотел светить свою личность. Они прошли по следу, но ничего такого не обнаружили.

Максим собирался повернуть назад, чтобы снова пройти по следу, но заметил, как опустилась занавеска в окне дома за дорогой. Там жил Коряжин. Мужчина наблюдал за ними.

Удивляться здесь в принципе нечему. Всем известно, что любопытство родилось раньше человека. Но почему Коряжин поспешил спрятаться, заметив, куда посмотрел Одинцов? Что его напугало?

– А ну-ка, давайте за мной!

Максим стремительно направился к дому. Видимо, Коряжин это заметил, и резвость майора Одинцова ему, похоже, очень даже не понравилась. Он вдруг рванул из дома в сторону огорода. В руках у него был какой-то пакет.

Одинцов на ходу перескочил через шаткий забор и спрыгнул в палисадник перед окнами дома. Собака с лаем бросилась на него, но ее удержала цепь. Именно на это Максим и рассчитывал.

Коряжин торопливо шел к туалету, прижимая пакет к груди.

– Идиот! Потом сам из дерьма будешь вылавливать! – на бегу крикнул Максим.

Но Коряжина это не остановило. Он открыл дверь туалета, и в этот момент Одинцов выстрелил в воздух. Мужик застыл, выгнулся в спине. Со стороны могло показаться, будто в него попала пуля.

– Стой, Коряжин! Не дергайся! И пакет брось!

Мужик отвел в сторону конвульсивно дергающуюся руку, разжал пальцы, и пакет упал в снег.

– А теперь в сторону отвали! И давай без глупостей!

Коряжин мог в отчаянии броситься на него. Максим этого не исключал. Но тыкать мужика мордой в снег было еще рано, и наручники надевать оснований пока не имелось.

Майор подобрал пакет, заглянул внутрь. Пистолет, бумажник, мобильный телефон.

– Ну ты и сволочь!.. Лицом ко мне! Руки вперед!

Максим не возражал бы, если бы Коряжин попытался оказать сопротивление. Уж очень ему хотелось ткнуть мародера носом в снег. Но тот смиренно протянул руки и позволил надеть на себя браслеты.

Максим еще раз глянул на содержимое пакета. Пистолет непростой, австрийский «глок» – легкий, удобный, многозарядный. Пластиковый корпус, завораживающие смертоносные формы. Трудно устоять перед искушением присвоить себе такую вот игрушку.

Да и телефон тоже не из разряда ширпотреба. Это был дорогой и престижный айфон самой последней, четвертой модели.

В бумажнике Максим обнаружил только водительские права, банковскую и дисконтные карточки. Денег там не было.

Эрихов Анатолий Михайлович, восемьдесят шестого года рождения. Права выданы в Москве, каким ГИБДД, не указано. Место рождения – Свердловская область.

– И сколько денег было? – спросил Максим, глянул на Коряжина и презрительно скривился.

Мародер лишь отвел в сторону глаза и промолчал.

– Я, кажется, что-то спросил!

Коряжин опустил голову.

– Ну! – подстегнул его Максим.

– Сорок две тысячи, – выдал толстяк и вздохнул.

– Слышал про жадность и фраера? Если нет, то на зоне обязательно услышишь.

Коряжин встрепнулся, испуганно глянул на Одинцова.

– Там человека из этого пистолета убили! – Максим кивнул в сторону дома, возле которого работали эксперты. – А на нем теперь твои пальцы. Как думаешь, что с тобой будет?

– Я не убивал никого! – обморочно простонал мужик.

– А кто убивал?

– Как это кто! Этот и убил! – Коряжин показал в ту сторону, где обнаружил тело Эрихова.

– Когда ты нашел раненого? – хлестко спросил Максим.

– Так это, утром. Из дома вышел, смотрю, рука выглядывает...

– Утром? Светло уже было?

– Ну да.

– А на улице люди. Ты при свидетелях мародерствовал?

Коряжин снова опустил голову.

– Когда ты Эрихова обнаружил?

– Рано утром. Темно еще было. Я покурить вышел, слышу, кто-то зовет. Я подхожу и вижу, человек лежит, на меня смотрит. Он мне сам все отдал! – Коряжин вдруг расправил плечи.

– Да ну!

– Спрячь, говорит, я заплачу. Бумажник вытащил, мне протянул...

– Бумажник ты взял.

– Так не пропадать же добру.

– А Эрихова не спрятал?

Коряжин вжал голову в плечи.

– Чего молчишь?

– А что говорить? Страшно мне стало. – Мужик вздохнул. – Кто-то же стрелял в него. А если в меня? Оно мне нужно?..

– Страшно, значит, стало? А деньги прикарманить не побоялся? И пушечку к рукам прибрал, и телефончик.

Максим включил айфон, хотел посмотреть входящие звонки, но там ничего не было. Да и адресная книга оказалась пуста. Все стер вообще не Эрихов!.. Майор гневно глянул на Коряжина. Тот все понял и уронил голову на грудь.

– Твоя работа?

– Хотел, чтобы чисто было.

Максим едва сдержался, чтобы не вломить ему промеж глаз.

– Ну ты и урод! – сквозь зубы процедил он.

Коряжин зажмурился в ожидании удара.

– Что Эрихов говорил?

– Да так, ничего. Про какую-то бабу упоминал.

– Что именно?

– Он не столько говорил, сколько бредил. Под нос себе бормотал. Мол, чертова баба.

– Имя называл?

– Нет. Просто чертова баба. Дескать, из-за нее все приключилось. Да, так он и сказал! Из-за нее все.

– Что еще говорил?

– Нет, больше ничего. – Коряжин мотнул головой. – Он на последнем издыхании говорил. Бормотал, а потом затих. Я растормошить его пытался, но не смог. Думал, что все...

– А деньги он тебе предлагал? – с насмешкой спросил Максим.

– Да, возьми, говорит! – спохватился Коряжин.

– Не говорил он тебе про деньги, а вот про чертову бабу мог сказать. И еще что-то. Ты постарайся вспомнить его слова. Времени на это у тебя будет много.

Коряжин лихорадочно напряг память, от умственного усилия вытянулся во весь рост, но быстро сдулся, опустил плечи, выпятил живот. Он больше так ничего и не вспомнил. А жаль. Максим очень хотел знать, из-за какой такой чертовой бабы начался этот сыр-бор.

Вдруг Эрихов говорил так про Юдаеву?

Глава 7

Дверь не открывалась. Хозяйка затаилась, голосов больше не слышно. Как Максим позвонил в дверь, так все и стихло. Прежде чем нажать на кнопку звонка, он по привычке приложил ухо к двери.

Майор достал телефон, нашел номер гражданки Юдаевой. Та не торопилась отвечать на звонок.

В конце концов Максим услышал ее голос и спросил:

– Евгения Алексеевна, дверь почему не открываете?

– Так меня дома нет!

– А почему я ваш голос из квартиры слышу? Впустите меня!

Сначала Максим услышал протяжный вздох, а потом дверь открылась. Юдаева пугливо дернулась, увидев пистолет в руке у майора.

– Ой!

– Кто в доме?

Слишком уж много трупов на повестке дня, чтобы с небрежностью относиться к возможной опасности.

– Нет никого.

– Я же слышал!..

– Я не могу говорить, – промямлила девушка и скривилась.

– Кто?

– Он тут, в этом доме живет. Если узнают...

Юдаева не обманула, в гостях у нее действительно находился сосед по дому. Это был мужчина средних лет, хорошо сложенный, в джинсах с логотипом крутой фирмы, такой же брендовой кофте с высоким воротником. Кожаная сумка у него тоже была хорошая. Качество говорило само за себя.

Он достал из нее паспорт и сказал сбивчиво, будто оправдываясь:

– Я так, просто к соседке заглянул.

– Если просто, то чего бояться? – возвратив ему паспорт, сказал Максим.

Там было указано место регистрации, стоял штамп из загса. На клубничку мужика потянуло, такое бывает.

– Так не боюсь я, просто говорю.

– А вы не попадитесь, гражданин. – Максим показал взглядом на дверь. – И жить будете просто.

Мужчина кивнул, схватил дубленку, обулся и был таков.

– И у вас тоже все просто? – спросил Одинцов, насмешливо глянув на девушку.

– Нет, не просто. Первый квартал заканчивается, скоро погонят меня отсюда. А Вася заплачивать обещал, да и не только за квартиру. – Женя вильнула бедрами, игриво провела пальцами по своей щеке.

Она не кокетничала с Максимом, это у нее само собой так вышло.

– А Рома что обещал?

– А Ромы больше нет!.. Ни его, ни Антона. А я есть! Жизнь продолжается!

– И жить на что-то надо, не так ли?

– Да, жить на что-то надо!

– А дружки Аникеева не помогали?

– Какие дружки?

Максим выразительно посмотрел на Женю. Этим взглядом он просил ее хорошо подумать, прежде чем дать окончательный ответ.

– Приезжал тут один...

Одинцов достал из кармана фоторобот Эрихова, показал ей.

– Этот?

– Нет, не было такого, – сказала она и покачала головой.

Максим предъявил портрет Юры.

– Да, этот вроде похож. – Юдаева наморщила лоб, всматриваясь в изображение.

– Когда он у вас был?

– С Ромой приезжал.

– Когда?

– Антон еще жив был.

– Зачем он приезжал?

– Да мне скучно было, а они бутылочку привезли.

– Крутили бутылочку?

– В смысле на раздевание? – как-то не очень возмущенно спросила девушка.

Максим ничего не сказал. Он и без того сболтнул лишнее. Да, пришла в голову сальная мысль, но зачем же было ее озвучивать?

– Нет, не крутили. Просто посидели. Нормально все было. – От ярких воспоминаний взгляд у Жени подернулся мутной поволокой.

– Веселые ребята?

– В общем, да.

– И как зовут этого весельчака?

– Юра.

– А фамилия?

– Я что, в паспорт заглядывала?

– Нет?

– Нет, конечно!

– А почему вы сразу про него не сказали?

– А вы спрашивали?

– Конечно. И про друзей спрашивал, и про подруг. Вы как-то про девушку вспомнили, на которую Рома загляделся.

– Да плевать на нее!

– Но вы же сказали про эту особу.

– Да, сказала.

– А про Юру не сказали. Может, в нем что-то пугающее было?

– Пугающее?.. Ну да, у него дракон такой на груди выколот – жуть берет!

– Дракон?

– У-у! Морда во всю грудь! А на животе борода из треугольничков таких. Глаза прямо над сосками. Уши на плечах. Когда Юра двигается, дракон глазами хлопает, ушами шевелит. Туда-сюда. О чем это я?.. – запоздало спохватилась Женя.

Максим деликатно промолчал. Он прекрасно понял, в какой ситуации и как именно двигался Юра, но не стал заострять на этом внимание. У каждого человека свои слабости, их нужно понимать, но не перенимать.

– Когда он из душа выходил, я видела...

– Что еще видели?

– А вот под полотенце я не заглядывала! – заявила девушка.

– А под куртку? Может, у него ствол был? Пистолет?..

– Да, был пистолет! Он сказал, что это пневматика. Но все равно страшный!

– А у Ромы оружие было?

– Нет, только у Юры. Может, и не пневматика это была?.. Он парень крутой, я сразу поняла. А Юра что-то натворил, да?

– К девушке приставал.

– Да ладно!.. И все? – удивленно протянула Юдаева.

– Грязно приставал.

– Изнасиловал?

– А он мог?

– Да, он такой, отказов не принимает. Ну, мне так кажется. Я знаю такой тип мужчин. Пришел, увидел, победил. А победы разные бывают. По согласию или силой.

– Может, он и к вам приставал?

– Нет, со мной Рома был. – Женя шаловливо закатила глазки. – Он не позволил бы. Юра его боялся. Рома круче!..

– А этот Рома, я так понимаю, автомобилями занимался?

– Ну да.

– А Юра?

– Рома говорил, что они вместе работают.

Одинцов покачал головой. Где именно работал Аникеев, установить не удалось. Паспорт при нем не обнаружили, но пробили права, выяснили, что родом он из-под Екатеринбурга. Мать у него там, сестра. Звонить им надо, выяснять, чем сын и брат в Москве занимается. В свете открывшихся обстоятельств обязательно нужно вскрывать всю подноготную. Работа это долгая, нудная, но не бесполезная.

– Он тоже электроникой занимается?

– Говорил, что с двигателями работает. – Юдаева усмехнулась. – Трубы, мол, выхлопные прочищает, от глушителя и аж по самый коллектор. Это он сам так шутил. Чистить у него действительно есть чем, а руки мягкие. Я знаю, какие бывают ладони у механиков. У него не такие.

– Может, он вещи какие-то у вас оставлял?

– Нет, не было ничего такого.

– На чем они приезжали?

– Джип у них был, я из окна видела, как они в него садились. Большой такой. Любого цвета.

Максим выразительно глянул на девушку. Как это любого цвета?

– Кто-то там говорил, что машина может быть любого цвета, если она черная, – пояснила Женя и улыбнулась.

– Номера не заметили?

– Какие номера? Я сверху смотрела.

– Так, может, они отъехали?..

– Я вдаль не очень хорошо вижу, – со вздохом сказала девушка.

Максим уже разговаривал с ней. Сразу после того, как погиб Аникеев. Он еще тогда обнаружил небольшую странность: Рома имел права, но у него не было ни машины, ни техпаспорта на нее. Да и у Эрихова тоже были только права. Поскольку Аникеев общался и с Эриховым, и Юрой, стоило предположить, что на троих у них была одна машина, этот самый внедорожник любого цвета.

– Вспомните, вы говорили про девушку в торговом центре.

– Да, говорила. Шла там какая-то, высокая, худая. Но не кожа да кости.

– А на чем вы с Ромой в торговый центр приехали?

– Я сама туда прирулила на своей развалюшке. Мы там случайно встретились. А разве я не говорила?

– А зачем ему туда нужно было?

– Ну, не знаю. Может, он за этой худосочной шел?.. Я его окликнула, он обернулся, ко мне подскочил.

Максим покачал головой. В прошлый раз они вскользь затронули эту тему. Он-то подумал, что Женя приехала в торговый центр вместе с Аникеевым, а он, оказывается, по своей программе действовал, выслеживал кого-то.

– Высокая, говорите, девушка, худосочная...

– Она, может, и высокая, но загнутая какая-то, а сутулость рост крадет. Голову высоко нести надо! – Женя расправила плечи, вскинула подбородок.

Выражение лица у нее стало таким, как будто она собиралась выдать цыганочку с выходом.

– А в лицо вы ее видели? – спросил Одинцов.

– Нет.

– А волосы?

– Светлые, не совсем. Просто русые. Они назад зачесаны были, на заколку закреплены.

Полумесяц рогами вверх. Кстати, очень красиво, мне понравилось.

– Какого цвета заколка?

– Серебристого. – Юдаева сощурила глаза, припоминая. – Да, точно.

– Одета во что была?

– Пальто на ней было серое, на синтепоне. Стремное пальто, скажу я вам. Сапоги – просто убожество! Я бы в таких на улицу ни за что не вышла!

– Может, Аникеев про нее что-то говорил?

– Нет, не говорил, усмехнулся только. Я его спросила, мол, за юбками бегаешь? Он рассеянно так усмехнулся. Как будто его мысли за этой телкой бежали. – Женя поморщилась.

– Вы торговый центр вместе покинули?

– Нет, поговорили о том о сем. Он обещал заскочить. Сама не помню, как мы разошлись, – заявила девушка и пожала плечами.

– Как это не помните?

– Он на меня так посмотрел...

– Как так?

– Вроде бы обычно посмотрел, но я куда-то пропала. В себя пришла, а его уже нет. Может, я задумалась, выпала из реальности. Так иногда бывает. Едешь на машине, чисто на автопилоте, думаешь о чем-то, а потом не понимаешь, куда попала.

– Вы задумались, разговаривая с Ромой?

– Может, я об этой телке подумала. Со мной так бывает. Но только в машине. Да, взгляд у него сильный, при этом мягкий. Посмотрит, и что хочешь для него сделаешь.

– Что, например?

– Хотелось бы без подробностей.

– Мне бы тоже так хотелось, но дело серьезное, поэтому меня интересуют любые мелочи.

Одинцов посмотрел на часы. Полчаса у него еще есть. А потом надо бы заехать к Лене Киршановой да поговорить с ней.

За окном темно и холодно. Там бродят волки о двух ногах. Сейчас их пора, они охотятся, убивают. Изводить их нужно, но не все получается. Преступность неискоренима, ее можно только загнать в жесткие рамки.

– Где сейчас Киршанова? – спросил Максим.

– Дома, – ответил Кустарев и угрюмо посмотрел на него.

– Нет ее там.

– У меня дома. – Гриша отвел глаза в сторону. – Там надежней.

– А она чего-то боится?

- Было же вчера!..
- Двое из электрички?
- Да.
- Из какой электрички, Гриша? Машина у них была. Эрихов при себе кучу денег держал, айфон четвертой модели. Какая электричка?
- Лена так сказала. – Кустарев явно чувствовал себя не в своей тарелке.
- Соврала тебе Лена.
- Она не могла. Не тот человек. – Гриша посмотрел куда-то в сторону.
- Ты не влюбился, случайно? – спросил Максим и проницательно глянул на него.
- Ну...
- Красивая она?
- Не очень. Но необыкновенная. – Мутные глаза Кустарева вдруг просветлели.
- С тобой все ясно.
- Не могла она убить.
- А кто говорит, что Лена кого-то убивала?.. Скажи, у нее есть заколка в форме полумесяца?
- Заколка?.. Есть. Да, полумесяц там.
- Серебристый?
- Серебристый. А что? – разволновался Кустарев.
- Высокая она, но не очень?
- Да, рост выше среднего.
- Одевается как? Серое пальто на синтепоне, убитые сапоги?
- Не убитые, просто тяжелые и дешевые, да. Пальто серое.
- Это за ней Аникеев шел. Помнишь, я говорил тебе про торговый центр? Он там с Юдаевой был. Эрихов, когда умирал, про какую-то чертову бабу говорил. Из-за нее, мол, их убили. Это Юдаева или твоя Лена. Евгения уже под наблюдением, я распорядился, а Киришиной ты займешься.
- Зачем Аникеев за ней шел? – плывущим от волнения голосом спросил Кустарев.
- Не знаю. Выслеживал, наверное. Вот и нарвался. Он приходил к ней на Самарскую улицу, там и упал с крыши.
- Она не могла.
- Возможно, с ним были Эрихов и Юра. Это одна компания, Юдаева подтвердила.
- Это многое объясняет! – оживился Кустарев.
- Что, например?
- Эрихов отмычкой в замке ковырял. А до этого они пытались к Лене через окно попасть.
- Через окно?
- Может, у них веревка была? Эрихов держал, а Аникеев спускаться собирался. Он по крыше шел, а веревка из рук выскользнула! – взбудораженно предположил Гриша.
- С улицы они пришли?
- Ну да, с улицы.
- Там, на чердаке, в грязной обуви только Аникеев был. Других таких же свежих следов не обнаружили. Если там кто-то и был, то в чистой, возможно, домашней обуви.
- А если там Лена была, что она могла сделать со здоровым мужиком? Оружия у нее нет.
- Откуда ты знаешь?
- Я обыскал квартиру, не было там ничего.
- Я не знаю, как там все на Самарской было, но мне известно, что Аникеев приходил к Лене Киришиной. На следующий день к ним заглянули его подельники. Зачем? Что им было нужно? Никто ни в чем твою Лену не обвиняет, но есть причина, по которой за ней охотятся. Нам нужно это выяснить. Ты меня понимаешь?

Кустарев кивнул, внутренне настраиваясь на разговор с Киршановой. Майор понял, что Гриша боялся обострить отношения с ней. Эта девушка держала его под своим влиянием. С этим надо было что-то делать.

– Кстати, этот Аникеев непростой жук. Возможно, он владеет гипнозом. Есть такое предположение, – в насмешливом раздумье сказал Одинцов. – Во всяком случае, на Юдаеву он мог воздействовать.

Женя и в первую их встречу не комплексовала, и сейчас выложила правду. Максим лишь слегка на нее нажал, и она сдалась. Барышня занималась любовью с Юрой, причем Рома ее об этом попросил. Нет, даже не попросил, а всего лишь намекнул и посмотрел так, что она не смогла отказать. В принципе эта особа не отличается очень уж высоким моральным уровнем. Рома ей разрешил, а она и рада.

– Гипноз – это серьезно, – сказал Кустарев.

– Думаю, что в данном случае не очень.

– А вдруг?.. Может, Охоткин под гипнозом был, когда за оголенный провод хватался. Одной рукой за него, другую – под струю воды. Может, Рома в это время в доме был, вышел к нему, заговорил?..

– Загипнотизировал? – разволновался Максим.

Сам он как-то об этом не подумал. Такая версия не выдерживала серьезной критики, но Кустарев все равно молодец.

– Логика тут, конечно, есть. И в квартиру к Юдаевой он проникнуть мог, ключ у него был. Но чтобы убить, нужно быть очень сильным гипнотизером.

– Но мы же не проверяли его возможности.

– Ну да. Он связан с Киршановой. Постарайся выяснить, как именно.

– Я попробую, – в состоянии глубокой озадаченности сказал Кустарев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.